

Е. З. СЕРЕБРЯНСКАЯ

ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РОБЕСПЬЕРА

В сб.: «Из истории якобинской диктатуры»

Труды межвуз. науч. конференции по истории якобинской диктатуры

Одесса. МСМЛXII (1962). С.263-316.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайты Vive Liberta и Век Просвещения ©

Если в изучении жизни и деятельности Робеспьера достигнуто уже многое, то формирование его взглядов, эволюция его мировоззрения изучены еще, к сожалению, крайне недостаточно. В ряде специальных работ анализируются отдельные политические, социальные и религиозные идеи Робеспьера. Система же его взглядов в целом во всей своей сложности и внутренней противоречивости, наивности и возвышенности, универсальной абстрактности и боевой революционной конкретности в сущности еще не исследована.

Внимание историков почти исключительно было направлено на изучение деятельности Робеспьера, а мировоззренческие основы и стимулы этой деятельности, если не считать их самой общей характеристики, остались в тени. В этом, вероятно, сказалось влияние прочно установившегося в литературе взгляда на Робеспьера, как на человека действия, практики, а отнюдь не теоретика¹.

Факты говорят о том, что, будучи выдающимся деятелем революции, Робеспьер, как и Сен-Жюст, неизменно руководствовался определенной теорией, известной системой философских, политических и социальных воззрений. Этой теории, помогавшей им осмыслить и обобщить опыт революционной борьбы, французские революционеры XVIII века придавали огромное значение. Именно сочетание качеств выдающихся практиков-организаторов и глубоких мыслителей смогло выдвинуть Робеспьера и Сен-Жюста в вожди революционно-демократической диктатуры на высшем, решающем этапе развития революции 1789-1794 гг.

Не подвергался еще последовательному рассмотрению и процесс развития мировоззрения Робеспьера в его связи с процессом углубления буржуазной революции XVIII в., с возрастанием решающей роли народных и, в частности, плебейских масс в этой революции. А ведь именно воздействие растущей политической активности народных масс в конечном итоге определило направление и характер эволюции взглядов Робеспьера, чей жизненный опыт непрестанно обогащался на протяжении революции.

Изучение теоретической мысли Робеспьера поможет не только глубже проникнуть в сложный мир его собственных идей, но и позволит лучше понять идеологию якобинизма в целом, Робеспьер был не одинок в своих теоретических принципах. Эти принципы, сформировавшиеся в значительной степени в ходе самой революции, разделялись и другими «якобинцами с народом», были как бы общей идейной платформой революционной демократии, особенно ее «робеспьеристского» центра.

Предлагаемая работа ставит своей задачей установление особенностей этического характера мировоззрения Робеспьера, анализ целостной при всей своей противоречивости системы его взглядов и выделение качественно отличных этапов в эволюции его мировоззрения в связи с реальными обстоятельствами развития классовой борьбы во Франции в ходе буржуазной революции конца XVIII в. Совершенно естественно, что, как всякий первый опыт постановки той или иной проблемы, данная работа не претендует на полноту в ее освещении и разрешении, что может явиться лишь итогом коллективных усилий исследователей.

Идейные истоки

Мировоззрение Робеспьера отразило в себе всю сложную противоречивость буржуазной идеологии XVIII в. Его взгляды складывались под сильнейшим воздействием идей французских просветителей, особенно Монтескье и Руссо. Робеспьер часто цитирует Монтескье, называя его «великим человеком». Он совершает паломничество в Эрменонвиль² и неизменно восхваляет Руссо, чьи взгляды остаются ему наиболее близкими на протяжении всей революции³. Как и Руссо, он крайне неодобрительно относится к энциклопедистам и даже добивается того, чтобы в Якобинском клубе был снят бюст Гельвеция⁴. Можно спорить о том, в какой мере заимствовал Робеспьер те или иные идеи из учения Руссо⁵, Монтескье⁶ или Вольтера⁷, Рейналя и Дидро⁸, но при всем конкретном сходстве или различии идей Робеспьера и социально-политических идей тех или иных философов XVIII в., несомненным и очень важным для понимания его мировоззрения является не только идейное воздействие на Робеспьера конкретных представителей Просвещения, но и то, что в целом мысль Робеспьера воплотила в себе общий дух просветительной философии, ее методологическую направленность. И хотя в практике революции он все больше и больше отходил от предначертаний просветителей и с решительностью и смелостью революционера вносил коррективы в наследие их политических идей, однако Робеспьер так и не смог окончательно победить в себе дух просветительной философии. Ни в своей мысли, ни в действии он не вышел за круг буржуазных идей. Он унаследовал от просветителей их идеалистическое понимание общественной жизни, их рационализм и политические иллюзии.

Как и просветители, Робеспьер абсолютизировал моральные категории, отводил им огромное место в развитии общества. Этика пронизывала собой все его политические и социальные идеи. В своем опубликованном недавно труде "Социально-политические учения нового времени" академик А.М.Деборин справедливо замечает, что Робеспьер подходил ко всем общественным явлениям с позиций отвлеченной справедливости и морали⁹. И не только Робеспьер, но и деятели революции самых различных политических направлений - Мирабо и Марат, Дантон и Жак Ру, Сен-Жюст, Бриссо, Верньо и многие другие - все они постоянно апеллировали к этике, соответствующим образом видоизменяя ее смысл. Даже безвестные авторы малограмотных петиций от демократических секций Парижа взывали в своих петициях к морали и добродетели¹⁰. Этика становилась у якобинцев критерием истины и справедливости, орудием борьбы и заветной целью. Революция сообщила ей большой социальный смысл, и она затем еще долго сохраняла: свое значение в революционных идеях Бабефа и во взглядах великих утопистов-социалистов.

Чтобы проникнуть в сущность теории и практики Робеспьера, очень важно поэтому правильно определить, какое место занимали в мировоззрении якобинцев вообще и Робеспьера в частности этические проблемы. Трудность заключается в том, что в литературе по истории французской буржуазной революции XVIII в. этот вопрос совершенно не разработан. Не приходится, конечно, считать сколько-нибудь научной статью реакционного историка Л.Мадлена¹¹, в которой он рассматривает этику революции, как некую мрачную, террористическую религию господствующей секты робеспьеристов, а Робеспьера как ее кровожадного пророка. Путь к исследованию места и роли этики в философской мысли французского Просвещения XVIII в. и в идеологии деятелей французской революции 1789-1794 гг. впервые указали К.Маркс и Ф.Энгельс. Именно они раскрыли внутреннюю связь присущего ей ошибочного представления о решающей роли этических начал в общественном развитии с общим характером взглядов Просветителей и их учеников на закономерности развития человеческого общества и на способы искоренения общественных зол.

Этика XVIII в. была не просто особенностью стиля речи; деятелей революции конца XVIII в., не только "псевдонимом, прикрывающим определенное политическое содержание"¹², как это считают некоторые историки. Она была краеугольным камнем всей просветительной философии и идеологии Великой французской буржуазной революции 1789-1794 гг. Философия Просвещения, исходившая из идеалистического принципа, что не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие, отводила вопросам этики не подчиненную, а решающую роль в понимании общественного развития. Сферу материальных интересов и социальных отношений в целом они считали второстепенной, пассивной, этические же, правовые, политические отношения - главными, ведущими, определяющими. Такая особенность мировоззрения Просветителей позволила Марксу охарактеризовать их мышление, как политический рассудок: "*Политический рассудок является политическим рассудком потому именно, что он мыслит внутри* рамок политики. Чем он острее и живее, тем *неспособнее* он к пониманию социальных недугов"¹³, - писал К.Маркс.

Политический рассудок Просветителей, находивший свое выражение в их рационализме, приводил их к идеалистической, переоценке роли политики. В сознании просветителей политика была теснейшим образом связана с этикой и должна была явиться своеобразной формой ее проявления. Это ярко выразил Гельвеции своим определением морали: "Мораль не больше как пустая наука, если ее не соединяют с политикой и законодательством"¹⁴.

Понимание политических проблем прежде всего как проблем этических, позволило философам XVIII в. считать этику одним из важнейших политических орудий преобразования общества, а сама задача ломки и преобразования существующего строя сообщала этике несомненный революционный характер. Просветители видели назначение морали в том, чтобы с ее помощью объединить людей для совместного достижения блага. "Истинная мораль, как и истинная политика есть та, которая стремится так подойти к людям, чтобы они совместными усилиями работали для взаимного благополучия"¹⁵, - писал Гольбах в "Социальной системе". Еще глубже выразил ту же мысль Руссо в "Общественном договоре". Он писал, что тот, кто берет на себя смелость конституировать народ, должен изменить человеческую природу, т. е. "заменить существованием неполным и моральным существование физическое и независимое"¹⁶.

Если христианское мировоззрение порождало унижение, "обесчеловечение человека", то борьба за уничтожение феодальной системы поставила во главу угла человека и его интерес, возводя этот интерес во всеобщий принцип¹⁷.

Основным принципом морали философы XVIII в. считали интерес, хотя разные представители Просвещения и вкладывали в это понятие совершенно различный смысл. Так, если у французских материалистов Ламетри, Гольбаха, Гельвеция интерес сводился к наслаждениям и себялюбию, то у Руссо, который идеализировал естественное состояние, интерес должен был состоять в аскетизме и суровой строгости первобытных нравов. Однако как различно ни толковали сущность интереса философы Просвещения, все они стремились посредством интереса связать всех людей воедино, что в условиях XVIII в., при существовании классов и растущей классовой борьбы являлось иллюзией и было поэтому обречено на неудачу.

Это стремление обосновать свою антифеодальную и антихристианскую мораль при помощи возведения интереса во всеобщий принцип таило в себе глубочайшую внутреннюю противоречивость этики революционной буржуазии XVIII в., так как до тех пор, пока речь идет лишь о замене одной (феодальной) формы частной собственности другой (буржуазной) - до тех пор этот интерес "необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности"¹⁸. Более того, поскольку "уничтожение феодального рабства сделало "чистоган единственной связью между людьми" - то именно в буржуазном обществе, когда властелином мира становятся деньги, а человек их рабом - неизбежно наступает состояние, наиболее далекое от того идеала, о котором мечтали просветители.

Этические идеалы гармонии частного и общего, сочетания интересов человека и гражданина, черпались в XVIII в. не из жизни, где не было еще места для этой гармонии, а из идеализированной античности: “В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии”¹⁹, - писал Маркс.

Гуманистическая по своему характеру просветительная буржуазная философия XVIII в. “утопала в преувеличениях”, “ударялась в фантастику”²⁰. Надежды просветителей изменить человеческую природу путем политических предначертаний морали, при сохранении существующих экономических отношений между людьми, как и сама их абстрактная мораль с ее всеобщими гуманистическими устремлениями, оторванными от ограниченных возможностей данной исторической эпохи, были политическими иллюзиями просветителей.

Как разъяснял В.И. Ленин, “то были иллюзии неизбежной, немедленной и полной победы “свободы, равенства и братства”, иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле и в человеках благоволение. То были иллюзии насчет отсутствия классово-резни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить “идею”, насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не осознавалась вовсе или сознавалась до последней степени смутно”²¹.

Иллюзии просветителей обусловлены были неразвитостью новых общественно-экономических отношений и их противоречий, незрелостью классовых сил, шедших на смену феодализму.

Идеализм и фантастика теории просветительной философии разбились в столкновении с практикой буржуазно-демократической революции. Маркс писал, что революционная практика находилась тогда в самом резком противоречии с ее теорией²².

РОБЕСЬЕРА ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Среди исследователей французской революции XVIII в. весьма распространено мнение о том, что на протяжении всей политической деятельности Робеспьера его основные принципы оставались неизменными. Так, например, Жорес называл его одним из самых больших консерваторов среди революционеров. Булазо в своей новейшей работе о Робеспьере²³ по сути дела, также приходит к выводу о стабильности его идейной платформы, считая, что его принципы не менялись на протяжении всей его политической карьеры. По мнению Матьеза, революция лишь оформила те смутные идеалы, к которым Робеспьер стремился и раньше²⁴. Того же взгляда придерживался и Ш. Велле²⁵.

Тщательное изучение источников - анализ произведений Робеспьера, его писем, речей периода судебной дореволюционной практики в Аррасе, его ораторских выступлений и публицистики революционных лет убеждает нас в том, что мировоззрение Робеспьера претерпело постепенный и сложный процесс эволюции. Вместе с развитием революции, под воздействием растущей политической активности народных масс развивалась и существенно видоизменялась социально-политическая и этическая концепция Робеспьера. Его путь идейного развития был полон колебаний и внутренних противоречий. Главным и определяющим в процессе формирования революционных идей Робеспьера был его переход от идеалов формальной буржуазной демократии к практическому осуществлению под его руководством принципов революционной диктатуры народа и их теоретическое осмысление.

Буржуазные историки не случайно подчеркивают неизменность идейных принципов Робеспьера, прямой путь развития всегда присущих ему идей: они принимают его борьбу за формальную, “чистую” демократию и при этом часто готовы одобрить не только его негативную политику, но и конструктивную мелкобуржуазную уравнительную программу (Лефевр²⁶, Ординг, Жерар Вальтер²⁷, Матьез²⁸ и др.). Когда же Робеспьер возвышается до осмысления основных проблем якобинской диктатуры со всем ее “мужеством противозаконности” (Энгельс), то даже прогрессивные буржуазные историки, которые весьма энергично, с полным основанием подчеркивают демократический характер этой диктатуры, все же стремятся при этом “очистить” Робеспьера, снять с него личную ответственность за якобинский террор. Например, весьма ценное исследование Ординга²⁹, основанное на широком использовании архивных источников, в основном посвящено доказательству личной “невиновности” Робеспьера в терроре, осуществлявшемся якобинской диктатурой.

Таким образом, трактуя террор, в лучшем случае, как “вынужденную необходимость”, к которой Робеспьер прибегал якобы вопреки своим принципам³⁰, буржуазные историки всячески пытаются обосновать единство и цельность его взглядов на протяжении всей его деятельности.

Вместе с тем нам кажется не убедительной и точка зрения Лицрана, устанавливающего резкую грань в мировоззрении Робеспьера (1789 год) на основе его отношения к старому режиму. Утверждение автора о том, что “накануне революции Робеспьер оставался приверженцем старого режима”³¹ совершенно противоречит фактам. В действительности уже до революции вся деятельность молодого Максимилиана Робеспьера была направлена против феодально-абсолютистского строя. Горячая ненависть к этому строю, как и его стремление к общему благу, счастью и свободе людей - были заложены в его мировоззрении с юных лет и по-своему проявились уже в первых шагах его практической деятельности перед революцией.

Предреволюционные годы жизни и деятельности Максимилиана Робеспьера протекали главным образом в Аррасе - в небольшом городке на севере Франции. И хотя сюда докатывались лишь отдельные отголоски бурного кипения политических страстей в Париже, но провинция так же, как и центр переживала глубокий кризис феодально-абсолютистской системы, проявлявшийся в острой классовой борьбе. Начитавшись произведений просветителей, Робеспьер разделял их политические убеждения и в то время еще целиком придерживался намеченной ими программы защиты "естественных прав" человека. На примере жизни своей провинции он легко мог убедиться в правоте разящих разоблачений Вольтера, направленных против аристократии и церкви, наблюдать тяжкое угнетение и несправие народа, о чем писали Руссо и бесчисленные памфлетисты эпохи. В своей практике адвоката он сталкивался самым непосредственным образом со множеством конкретных фактов "социальной несправедливости", неизменно становясь при этом на защиту "несчастливых и притесненных".

Все содержание еще сравнительно мало изученного периода жизни и деятельности Робеспьера в Аррасе и его политических и философских взглядов предреволюционных лет неопровержимо свидетельствует о том, что уже тогда в его мировоззрении господствовали свободолобивые, прогрессивные идеи того времени.

Юношеские стихи Робеспьера, судебные речи молодого арраского адвоката, его произведения на юридические темы пронизаны все нарастающим духом осуждения политического режима феодально-абсолютистского строя с присущим ему "обесчеловечением человека" (Маркс).

В своих ранних стихах юный Максимилиан противопоставляет паразитизму привилегированных сословий прославляемый им мирный труд пахаря и его скромную жизнь (стихотворение "Сельский человек"³²). Совсем в духе Руссо, он едко высмеивает нравственные пороки нового времени, воспевая в противовес им простоту "естественного состояния" ("Поэма о носовом платке"³³). Однако в других произведениях этого периода Робеспьер не отрицает подобно Руссо нравственный прогресс человека в эпоху цивилизации, а, наоборот, видит заметный прогресс разума и морали в век Просвещения³⁴.

Как и просветители, Робеспьер неоднократно выступает против высшего сословия - духовенства и церкви. В 1783 году происходит первая схватка Робеспьера с католической церковью. В процессе по поводу громоотвода, установленного впервые в Аррасе неким Висри, Робеспьер смело обрушивается на суеверие и предрассудки, насаждаемые церковью³⁵. В 1786 г. шумную известность приобрело "дело" Детефа, бесосновательно обвиненного в краже по подозрению монаха-бенедиктинца. Это дало повод Робеспьеру клеймить скандальное, безнравственное поведение монахов³⁶.

Резкой критикой феодальной монархии, в условиях которой главным мерилom ценности человека является его происхождение, пронизана работа, представленная Робеспьером на конкурс, объявленный Академией в Меце, по вопросу о так называемых бесчестящих наказаниях (1784 г.)³⁷. Здесь Робеспьер обосновывает идею гражданского равенства, независимо от происхождения. В выступлениях молодого адвоката защита интересов частного лица все больше и больше перерастает в борьбу за осуществление сформулированных философами Просвещения идей свободы и равенства. Мы имеем, в частности, в виду речи Робеспьера в защиту Мари Соммервиль (1786) по поводу ареста ее за долги³⁸ и дело Франсуа Пажана³⁹, в связи с чем Робеспьер энергично критикует существующую со времен средневековья систему судопроизводства и настаивает на привлечении большего числа свидетелей по каждому пункту обвинения. В деле Дюпона (конец 1788 - начало 1789 г.) Робеспьер осуждает деспотический произвол арестов на основе *lettres de cachet*.

В период подготовки созыва Генеральных штатов, в созвучии с нараставшим протестом третьего сословия против феодально-абсолютистского строя, в атмосфере все более и более открытых форм проявления этого протеста Робеспьер во многих своих речах по частным судебным делам поднимает большие политические проблемы современности. Так, свое выступление по делу Дюпона он превращает в программную речь против всей системы королевского абсолютизма, объявляя его противоестественным явлением и призывая утвердить такого рода общественный строй, который соответствовал бы справедливости и общему благу⁴⁰.

Наряду с судебными делами, Робеспьер принимает в то же время участие и в практических мерах борьбы против произвола королевской власти (например, в составлении протеста против эдиктов Ламуаньона и Ломени де Бриена⁴¹).

Однако, борясь против абсолютистского режима, за ограничение королевской власти, он еще разделял столь широко распространенную в то время наивную веру в доброго и справедливого "просвещенного" монарха и уповал на его реформы⁴². Робеспьер в это время еще не понимал неизбежности и необходимости революции. "Нет нужды изменять всю систему нашего законодательства, искать исцеления частного зла и зачастую опасной общей революции"⁴³, - писал он в 1784 г.

В упомянутом выше процессе по делу Дюпона, в конце 1788 года, Робеспьер неоднократно говорит о близости крупных политических изменений, но в революции все еще видит лишь мрачную и кровавую катастрофу (*revolution funeste, catastrophe sanglante*) и восхваляет французскую нацию за то, что она добивается своих исконных прав без революции, с помощью "добродетельного короля"⁴⁴.

Причиной этой слепоты по отношению к уже полностью сложившейся в стране революционной ситуации, несомненно, являлась пелена тех идеалистических представлений о движущих силах и характере прогресса общества, которые были унаследованы Робеспьером от своих учителей-рационалистов - просветителей XVIII в. Как и у просветителей этические проблемы доминируют во взглядах Робеспьера и ошибочно представляются ему важнейшими и определяющими вопросами общественно-политической жизни. Подобно просветителям, коренные вопросы жизни в сознании Робеспьера «были поставлены на голову»⁴⁵. Как и они он объявляет права человека целью, а гражданскую жизнь - средством. В своей памятной записке по делу Дюпона, изданной в феврале или марте 1789 г.⁴⁶, когда Франция переживала острый торгово-промышленный и аграрный кризис, он заявил, что задача состоит не в оздоровлении торговли и сельского хозяйства. Это было бы, по его мнению, вульгарной политикой. Главное заключается в том, чтобы «повести людей к счастью через добродетель; к добродетели через законы, основанные на незыблемых принципах всеобщей морали и восстановлении человеческой природы во всех ее правах»⁴⁷. Так в духе рационалистических идей просветительской философии Робеспьер возлагает огромные надежды в деле общественного переустройства на «разумные законы и учреждения».

В целом политические взгляды Робеспьера дореволюционной поры свидетельствуют о том, что в то время он стоял еще на позициях умеренного буржуазного демократизма.

Борясь за осуществление выдвинутых его учителями идеалов свободы, равенства и безопасности человека, Робеспьер делает это, оставаясь на почве формально-правового понимания демократии, свойственного представителям умеренного крыла просветителей, с его ярко выраженным буржуазным индивидуализмом. Поэтому в этической антитезе «человек-гражданин» главное место отводится им в это время человеку. В отличие от своих позднейших этических убеждений периода якобинской диктатуры, он считает «оскорблением разума, справедливости и человечности такую систему, при которой права человека будут под угрозой и когда под видом того, чтобы заставить некоторых быть не в состоянии вредить другим, будут посягать на их права и существование»⁴⁸. Он неоднократно повторяет мысль о том, что «лучше пощадить сто виновных, чем наказать одного невинного»⁴⁹.

Искренно сочувствуя «несчастливым и притесненным», тепло отзываясь «о классе трудящихся, который составляет народ»⁵⁰, Робеспьер еще не видит в нем великой революционной политической силы. Вот почему, говоря об общественном договоре, он в своих ранних работах, в отличие от Руссо, считает его результатом божественного предначертания⁵¹. Не случайно в его выступлениях до 1789 г. не встречается еще даже в самом общем виде формула суверенитета народа. Вместо этого он говорит весьма туманно и неопределенно о некоем божественном суверенитете⁵². Революционный радикализм политических и социальных идей «Общественного договора» Руссо в эти годы еще чужд восприятию Робеспьера, который находился в то время больше под идейным воздействием политических идей Монтескье.

Постепенно, по мере приближения революционной грозы взгляды Робеспьера становятся все более решительными, а его борьба за демократические интересы народа все более активной. В накаленной атмосфере предреволюционных бурь 1789 г. энергичные выступления Робеспьера вызывают острую неприязнь к нему местной арраской аристократии. На избирательном собрании (при выборах в Генеральные Штаты) он защищает «несчастливых жителей деревень»⁵³. На заседании представителей третьего сословия в Аррасе, 29 марта 1789 г., Робеспьер сочувственно говорит о народе «столь несчастном и притесненном всяческими злоупотреблениями (abus) с давних времен»⁵⁴. Он участвует в выработке наказов депутатам в Генеральные Штаты. Не обольщаясь жалкими уступками знати народу, он, вместо униженного выражения благодарности высшим сословиям за их отказ от некоторых привилегий, настаивает, чтобы депутаты третьего сословия Арраса с достоинством провозгласили, что «никто не имеет права дарить народу то, что ему принадлежит»⁵⁵. В своей речи 29 марта 1789 г. он энергично призывает к решительным действиям: «Никакой снисходительности, никакой слабости! (Aucune complaisance, aucune faiblesse)»⁵⁶. И когда народ, поднявшись на штурм Бастилии 14 июля 1789 г. начал революцию, Робеспьер горячо приветствует теперь ее, говоря, что из этого народного восстания родилась свобода.

В дореволюционных работах Робеспьера можно встретить в зародыше ряд социальных и политических идей, которые он затем будет с возрастающей решительностью развивать на протяжении революции.

Начиная с арраского периода своей деятельности и до конца своей жизни он останется приверженцем незыблемости частной собственности. В работе о бесчестящих наказаниях он следующим образом формулировал свою мысль: «Мы рассматриваем все то, что посягает на прочность нашей собственности (la stabilité de nos propriétés), как пагубное дело, которое потрясает основы общественного благоденствия»⁵⁷. Но уже в ранних своих произведениях Робеспьер осуждает «безграничную роскошь» (un luxe sans bornes), которая «повлекла за собой коррупцию всех сословий общества»⁵⁸. Он считает, что «громадные богатства некоторых граждан покоятся на разорении и нищете всех остальных»⁵⁹. В конкурсной работе «Похвала Дюпати» Робеспьер восхищается этим поэтом за то, что он «презирает (foule aux pieds) богатства»⁶⁰, а неравенство имуществ рассматривает, как несправедливость, которую считает своим долгом исправить, оказывая помощь беднякам.

Так уже в этот арраский период в мировоззрении Робеспьера начинает вырисовываться тот идеал эгалитаризма, который он пронесет сквозь всю свою жизнь. Революционная практика придаст со временем этим отвлеченным и пассивным эгалитарным тенденциям боевой, активный, наступательный характер.

Смутные, пока еще незрелые мысли молодого Робеспьера постепенно складывались в сумму политических идей, сохранявших на себе печать иллюзий просветительной философии и ее идеализма. В ходе революции эти идеи оформились в целостную систему революционно-демократических взглядов.

Первые годы революции

Стремительный взлет революционных событий в стране увлекает за собой Робеспьера. С лета 1789 г. он в центре политической борьбы в Париже. Депутат Учредительного Собрания и активнейший деятель Якобинского клуба, он принимает живейшее участие в обсуждении злободневных политических вопросов. Подсчитано, что всего Робеспьер выступил в Учредительном Собрании 521 раз, а в Якобинском клубе (до 8 августа 1792 г.) - 135 раз⁶¹. В соответствии с прочно усвоенным им рационалистическим представлением о решающей роли хороших законов в преобразовании общества, Робеспьер с особенной активностью участвует при этом в подробном обсуждении: статей Конституции.

Вся его повседневная политическая деятельность на первом этапе революции (1789-1792 гг.) посвящена борьбе за абстрактный идеал "чистой демократии". В этой связи он добивается демократизации государственно-административного устройства: настаивает на увеличении числа депутатов Законодательного Собрания до 1000 человек (18/XI-1790 г.) и на ежегодном замещении депутатов (21/IX-1789 г.); считает нужным увеличить число представителей администрации в департаментских директориях (19/XI-1790 г.); говорит о свободном избрании новых магистратов (15/XII-1790 г.), об их отчетности перед избирателями (28/X-1790 г.); предлагает составить военный совет наполовину из солдат, наполовину из офицеров (28/IV-1790 г.) и т. д. При этом он все еще не выходит, как и в арраский период своей жизни, за рамки формально-правового понимания основ буржуазной демократии. "Защищайте индивидуальную свободу" - призывает он в речи 27 апреля 1792 г. - и неустанной борьбе за нее отдает все силы. Он требует привлечь к ответственности лиц, нарушающих свободу человека (22/VIII-1789 г.)⁶², высказывается за свободу совести (23/VIII-1789 г.), обосновывает право допуска к выборным должностям лишенных ранее политических прав евреев, и актеров (23/VIII-1789 г.), защищает право свободы человеческой личности в вопросах организации суда⁶³, настаивает на уничтожении смертной казни (30 мая 1791 г.) и т. д.

В своем стремлении к наиболее полной индивидуальной свободе Робеспьер все больше выходит за рамки "цензового" демократизма крупной буржуазии и либерального дворянства. Так, например, 24 марта 1789 г. и 11 мая 1791 г. он защищает требование неограниченной свободы печати, 5 декабря 1790 г. и 27 апреля 1791 г. протестует против запрещения т. н. "пассивным" гражданам вступать в Национальную гвардию, высказывается против неравенства в наказаниях солдат и офицеров; 9-10 мая 1791 г. защищает ликвидированное Собранием право коллективных петиций, подчеркивая при этом, что оно имеет особую ценность для бедняков⁶⁴; наконец, начиная со знаменитой речи 22 октября 1789 г.⁶⁵, ведет смелую и мужественную борьбу за всеобщее избирательное право⁶⁶.

Он решительно протестует против сохранения привилегий духовенства и дворянства; требует ограничения жалованья священникам, выборности их и упразднения высших должностей духовной иерархии⁶⁷, осуждает экспроприацию общинных земель (февраль 1790 г.)⁶⁸ и выступает против феодального права триажа⁶⁹.

Таким образом, тенденция развития политической позиции Робеспьера явственно вступает в конфликт с антидемократической направленностью политики крупной буржуазии и либерального дворянства, захвативших в свои руки власть в первый период революции (1789-1792 гг.).

Неуклонный рост популярности Робеспьера во Франции свидетельствовал о том, что народ все больше и больше узнавал в нем искреннего и убежденного защитника демократических прав и свобод. Робеспьер имеет, несомненно, определенное основание говорить: "Когда я обращаю свою речь к Национальному Собранию, моя цель состояла в том, чтобы быть услышанным нацией и человечеством"⁷⁰. Мужественная стойкость и принципиальность его выступлений снискали ему заслуженную славу Неподкупного.

Однако Робеспьер борется в этот период преимущественно парламентскими средствами. Он взывает в своих речах к законодателям, а не к революционной активности масс. Как и Марат, Робеспьер искренно негодует против трусливой политики Учредительного Собрания. "Вы недостойны этой революции, - говорит он, обращаясь к Учредительному Собранию, - подобно жалким насекомым вы вовлечены в ее неукротимый поток. Ваши успехи будут преходящи как ложь, а ваш стыд - вечен, как истина"⁷¹. Но Марат, который с самого начала занимал гораздо более последовательную, чем Робеспьер, позицию в лагере революционной демократии, обращается прямо к народным массам, призывает их насильственным путем изменить состав недостойного Национального Собрания, произведя революционную чистку его. Робеспьер же пытается воздействовать на депутатов Учредительного Собрания доводами разума, по-прежнему продолжая еще избегать крутых революционных мер, которые он все еще считал "средством редким, сомнительным, чрезмерным"⁷².

Весьма показательно двойственное отношение Марата к Робеспьеру. Друг народа высоко ценил смелость и искренность борьбы Робеспьера за демократические права народа. В ноябре 1789 г. Марат писал: "Имя его всегда будет дорого для честных граждан"⁷³. Он считал Робеспьера "единственным депутатом, который руководствуется великими принципами"⁷⁴. Вместе с тем, Марат видел и ограниченность его социально-политического кругозора. В 1791 г. он упрекал его в том, что ему не хватает понимания перспектив⁷⁵. При личной его беседе с Робеспьером, когда последний отверг предложенные тогда Маратом чрезвычайные меры против контрреволюции ("срубить 500-600 голов"), он назвал политические взгляды Робеспьера узкими⁷⁶.

Характерно, что тогда как Марат сразу же пронизательно определил формальный характер принципов свободы и равенства, провозглашенных в “Декларации Прав” 1789 г. и назвал ее “пустой приманкой на потеху дуракам”, Робеспьер был ослеплен этой широковещательной прокламацией “священных прав” свободы и равенства человека⁷⁷. Он сам говорил о себе позже, в 1792 г.⁷⁸: “я знал только одно правило поведения - Декларацию Прав и принципы нашей конституции”.

Отмеченное различие во взглядах Марата и Робеспьера не дает оснований считать Робеспьера (в 1789-1792 гг.) приверженцем легальности (как то делают некоторые буржуазные историки)⁷⁹. В действительности же он отстаивает новый порядок, с его новыми *революционными* законами: не призывая народ к насильственным действиям, он в то же время приветствует восстание 14 июля 1789 г.⁸⁰ и события 5-6 октября 1789 г.⁸¹, хотя они и были нарушением “легальности”. Он защищает голодные волнения плебейских масс Парижа⁸² (июль, октябрь 1789 г.) и оправдывает революционную борьбу крестьян, сопровождавшуюся отнюдь не “легальными” поджогами феодальных замков и убийством сеньоров (9/11-1790 г.)⁸³. С пафосом революционера он говорит, что нельзя предпочесть рабство свободе, купленной ценой некоторых жертв и пламенем нескольких сожженных замков; выступает (21 октября 1789 г.)⁸⁴ против введения “военного закона”, считая несправедливым душить народ за то, что он голоден⁸⁵. При этом он предупреждал о том, что “приверженность Учредительного Собрания к спокойствию может привести к уничтожению свободы”.

Хотя и не столь последовательно как Марат, он борется за углубление революции. Он упрекает депутатов в том, что они пытаются “остановить прогресс революции, там, где он не согласуется с расчетами их честолюбия и личного интереса”⁸⁶. В результате внутренней борьбы, колеблясь и порой даже отступая от своих принципов Робеспьер переживает сложный процесс эволюции своих взглядов.

Глубоко противоречиво отношение Робеспьера этих лет к проблеме революционного насилия. С одной стороны, продолжая еще рассматривать права человека, его “индивидуальную свободу” как самоцель, он заявляет: “Общественный порядок (*ordre social*) не может быть основан на нарушении непререкаемых прав человека, являющихся главным основанием общества”⁸⁷. Это приводит его, например, к тому, что вместе с Мирабо он выступает против декрета, предусматривающего насильственные меры в отношении эмигрантов, а при обсуждении вопроса о контрреволюционном мятеже неприсягнувших священников в Дуэ высказывается против наказания представителей духовенства за то, что они выступали с мятежными речами, так как “никто не может быть подвергнут наказанию за свои речи”⁸⁸. Неудивительно, что эта позиция Робеспьера, обусловленная формальным пониманием сущности индивидуальных свобод, вызвала одобрение правой части Собрания, тогда как на скамьях левой раздался ропот и кто-то даже крикнул ему оттуда: “Иди занимай место направо!”⁸⁹.

С другой стороны, опыт борьбы крестьянских и плебейских масс, с самого начала революции применявших насилие над насильниками над народом, а также присущие Робеспьеру, хотя и несколько абстрактный демократизм и гуманизм толкают его к признанию правомерности насильственных действий народных масс. Суровая логика революционной необходимости постепенно приводит его к выводу о том, что исходным должно быть общее благо Родины, которая в тех условиях отождествлялась с революцией. Он понимает, что высшие интересы Родины требуют ареста лиц, подозреваемых в измене, и высказывается за организацию чрезвычайного суда над контрреволюционерами (31/VII-1789 г.)⁹⁰. Вопреки столь ревностно защищаемому им же “священному праву” свободы и безопасности человека, Робеспьер настаивает (27/VI-1789)⁹¹ на нарушении тайны переписки графа д'Артуа с бароном Кастельно. Оправдывая эти насильственные меры по отношению к человеческой личности, Робеспьер приходит к далеко идущим выводам, признавая, что акт, представляющий собой в другое время преступление, становится во время революции “похвальным действием”⁹².

Так намечается постепенное видоизменение этической концепции Робеспьера. Оставаясь на протяжении первого периода революции в целом на позициях формально-правового понимания “чистой демократии”, он вместе с тем все сильнее начинает выдвигать на первый план не права *частного* человека, а *общее* благо, *общий интерес*, что объективно определялось стремлением буржуазной демократии к более полному и скорейшему разрешению задач революции. Эта противоречивость в мировоззрении Робеспьера неизбежно приводит к тому, что этические проблемы, так же, как и практические вопросы политики, решаются им в эти годы часто весьма непоследовательно.

Буржуазная природа мировоззрения Робеспьера неминуемо должна была известным образом ограничить применение “общечеловеческих идеалов” в его практике. В тех случаях, когда гуманистические идеалы свободы и равенства вступали в конфликт с классовыми интересами буржуазии, Робеспьер вынужден был отступать в ущерб этой свободе и человечности. Это сказывается, например, в позиции Робеспьера по поводу рабства во французских колониях. Выступая в самой общей форме с осуждением колониального рабства, он конкретно даже не ставил вопрос об освобождении этих колоний⁹³. В своей речи 13 мая 1791 г.⁹⁴ он практически ограничивается лишь поддержкой предложения Люка о замене формулировки проекта декларации: вместо термина “рабы” как “оскорбляющего сознание свободного француза”, записать - “несвободные лица” (*personnes non libres*) - и только. Еще ранее - 30 июня 1790 г. при обсуждении вопроса о восстании на острове Гваделупе⁹⁵, Робеспьер мотивировал свой протест против подавления этого восстания вооруженными силами Франции не правом освободительной борьбы населения колоний, а опасениями внешнеполитических осложнений. Нам представляется некоторым преувеличением то, что Ж.Массен видит в Робеспьере на основании его общих высказываний против рабства борца за освобождение колоний⁹⁶. Даже в период якобинской диктатуры, когда 16 плювиоза II г. (4 февраля 1794 г.). Делакруа предложил в Конвенте вотировать уничтожение рабства во французских колониях, Робеспьер счел это неосторожным политическим актом⁹⁷.

Буржуазная ограниченность демократизма Робеспьера выступает и при обсуждении закона Ле Шапелье против рабочих союзов и собраний. В отличие от Марата, - единственного из якобинцев, мужественно выступившего на защиту рабочих против закона Ле Шапелье, - Робеспьер безмолвно санкционировал этот антирабочий декрет Учредительного Собрания⁹⁸.

Философской основой его социально-политических идей неизменно остается идеализм и рационалистический характер мышления. Совершенно в духе своей эпохи Робеспьер воспринимает все политические и социальные проблемы сквозь призму этических понятий. Как совершенно правильно заметил Матьез, “для Робеспьера, как и для философов XVIII в. политика ни что иное как ветвь морали (*un branche de la morale*), мораль в действии”⁹⁹. В июне 1792 г., в обстановке войны и больших политических осложнений в стране, Робеспьер публикует в № 4 своего журнала “Защитник конституции” статью под характерным названием: “О моральных причинах современного положения”¹⁰⁰: “Поразмыслите, - обращается он к своим читателям, - и вы увидите, что все великие вопросы... находят свое разрешение в простейших понятиях морали”¹⁰¹.

Робеспьер борется за те или иные демократические законопроекты, аргументируя их необходимость этическими доводами. Так, давая этическое обоснование необходимости всеобщего избирательного права, он говорит о гармонии личных и общих интересов, о духе “общественности”, который необходимо возродить и т. п.¹⁰². Этический характер носит и восприятие им идеи народного суверенитета. После победоносных выступлений народа в начале революции Робеспьер становится горячим приверженцем и постоянным глашатаем этой идеи. В процессе последующего развития революции, по мере углубления ее, он будет вкладывать в эту идею все более глубокий революционный смысл, пока не осознает ее как диктатуру народа.

Как и Руссо, он ищет основу народного суверенитета не в материальной основе общественно-политических отношений, а в этике: в том духе морального единства общего, целого, который, по мысли Руссо, обеспечит главенство “общей воли” несмотря на то, что она не совпадает с “волей всех”. Носителем этого морального единства является, по мнению Руссо и Робеспьера, народ: “Моральность (*la moralite*), которая исчезла у большинства индивидов, находится только в массе народа и в общем интересе (*l'interet general*)”¹⁰³. Народ - олицетворение гражданственности, он всегда справедлив и хочет общего блага¹⁰⁴. Народ получает у Робеспьера, вслед за Руссо, теоретическое определение целостной коллективной моральной личности. Так, например, когда 27 апреля 1791 г. в Учредительном собрании один депутат перебил речь Робеспьера, и Робеспьеру пришлось уточнить смысл, вкладываемый им в понятие “народ”, - он сказал: “Под народом я подразумеваю общность индивидов” (*la generalite des individus*)¹⁰⁵.

Так, этическими средствами раскрывается и обосновывается демократизм Робеспьера.

Неразрывно связывая этику с политикой, Робеспьер по-прежнему интересуется преимущественно политическими вопросами, проявляя очень слабый интерес к социально-экономическим проблемам и непонимание самой их сущности¹⁰⁶. Робеспьеру присущ был *политический* рассудок, классический пример которого Маркс видел во французской революции XVIII в.

Главным для него остаются права *политической* свободы, *политического* равенства. Социальное зло волнует его не само по себе, а как источник политических неурядиц. Он говорит о том, что “конституция станет лишь химерой, если мы не внесем исцелений в современные болезни”¹⁰⁷. По его определению, социальное неравенство это - неизбежная и неизлечимая болезнь¹⁰⁸. И Робеспьер для смягчения этой “болезни” предлагает такой паллиатив, как закон об ограничении права наследования (см. его выступление в Учредительном Собрании 5 апреля 1791 г.), который, конечно, не мог разрешить всю остроту социальной проблемы.

Робеспьер не мог не видеть, как в условиях роста дороговизны и голода, с одной стороны и, спекулятивной горячки обогащения, с другой стороны, усиливается вопиющий контраст между богатством и нищетой. Но он еще не в состоянии был увидеть действительную классовую основу растущих социальных конфликтов между богатыми и бедными. Вот почему он не мог распознать в крупной буржуазии, захватившей в это время власть в свои руки, черты нового эксплуататорского класса, а видел в ней лишь наследие феодального абсолютизма с его привилегиями знатности и богатства. Классовые противоречия он этически определял, как противоречие “народа” (как моральной целостности) и “алчных эгоистов”: “Интересы народа - это общий интерес, интерес богачей - частный интерес”¹⁰⁹. Острую политическую борьбу между якобинцами и жирондистами он объясняет также этическими причинами: Все наши споры - ни что иное, как борьба частных интересов против общего интереса”¹¹⁰. Так, вместо недоступного Робеспьеру, единственно правильного материалистического объяснения причин антагонистических классовых противоречий нового капиталистического общества, он давал им, как видим, чисто этическое толкование.

Ярким выражением особенностей эволюции социально-политических взглядов Робеспьера в этот период был характер формирования и развития его республиканских взглядов.

С первых дней революции Робеспьер боролся за предельное ограничение власти короля и превращение его в слугу народа, причем, между прочим, как всегда, вкладывал в эту борьбу глубокий этический смысл. Так, свой протест против права королевского veto он аргументирует тем, что “закон есть выражение *общей воли*” и один человек (король) не должен противопоставлять ему свой частный интерес. Он называет veto “непостижимой чудовищностью (*un monstre inconcevable*) в морали и в политике”¹¹¹.

В октябре 1789 г. Робеспьер выступает против старой (абсолютистской) формулы королевского утверждения декретов¹¹²; в мае 1790 г. он решительно возражает против права короля объявлять войну или заключать мир, считая это прерогативой народа и его представителей в лице Национального Собрания¹¹³. В июле 1791 г. (после бегства короля из Парижа) Робеспьер борется против решения Национального Собрания о том, что король неприкосновенен и не может быть судим¹¹⁴. Он оценивает бегство короля, как факт, который может стать счастливым для Франции (даст нации 40 млн. расходованных до этого на содержание короля)¹¹⁵.

Но даже и после бегства короля, когда представители различных социальных слоев, начиная от “Социального кружка” и клуба Кордельеров до жирондистов Бриссо и Кондорсэ, со всей определенностью высказывались уже за республику (вкладывая при этом в ее пропаганду совершенно различный смысл)¹¹⁶, Робеспьер вплоть до июля 1792 г. ни разу четко и прямо не заявил о безусловной необходимости уничтожения королевской власти и установления республики во Франции. Наоборот, он все еще продолжал говорить, что главное не в том, возглавляет ли исполнительную власть монарх или нет, а в том, осуществлен ли на деле народный суверенитет¹¹⁷. Такая постановка вопроса о монархии или республике свидетельствует о том, что в то время Робеспьер еще далеко не преодолел унаследованное от Руссо, с присущей ему манерой чисто логических построений, абстрагирование этой проблемы от учета реальных классовых сил, стоявших за королем. Когда в Якобинском клубе Тальен предложил закрыть покрывалом бюст Людовика XVI, Робеспьер выступил против этого демонстративного акта¹¹⁸. 13 июля 1791 г. он, не признавая себя ни монархистом, ни республиканцем, говорил: “Меня обвинили в том, что я республиканец, мне оказали много чести, я не являюсь им. Если бы меня обвинили в том, что я монархист, меня бы обесчестили, - я им не являюсь тем более”¹¹⁹. 17 мая 1792 г. он писал в своем журнале, что предпочитает видеть представителей народного собрания и свободных граждан во главе с королем, чем поработанный народ под пятой аристократического сената и диктатуры¹²⁰.

Все это дало основание многим историкам французской революции XVIII в. считать, что Робеспьер очень долго не был приверженцем республики¹²¹.

Однако, следует учесть, что к вопросу о выборе между монархией или республикой Робеспьер подходил с позиций Руссо. Энгельс с полным основанием характеризовал “Общественный договор” Руссо, как республиканский трактат¹²². Несмотря на то, что Руссо предпочитал сохранять для Франции и других крупных государств монархию, он вкладывал в это понятие совершенно новое содержание. В работе “Политический радикализм накануне французской революции” академик В.П.Волгин в связи с этим приходил к следующим выводам: “Общественный договор” Руссо, пропагандируя идеи неотчуждаемого народного суверенитета, прямого законодательства народа и выборности магистратуры, тем самым пропагандировал основные принципы республиканской теории”¹²³.

Одним из наиболее существенных недостатков историографии вопроса о возникновении и развитии республиканской идеи и республиканского движения во Франции в годы революции является традиция формально-юридического подхода к его изучению как проблемы чисто политической, без должного учета ее социального содержания в понимании представителей разных общественных групп. В отличие от буржуазных республиканцев типа Кондорсэ, для которых республика прежде всего была вопросом о форме организации государственной власти, Робеспьер, как и другие представители левого, демократического крыла республиканского движения во Франции, теснейшим образом связывал вопрос о ликвидации монархии с борьбой за широкую, социальную демократию. В своей статье в журнале “Защитник Конституции” от 17 мая 1792 г. он с изумлением заметил: “Я услышал как люди, которые умели клеветать на народ и оспаривать равенство, оглашали воздух словом “республика”¹²⁴. Для Робеспьера установление республики означало не только решительное политическое переустройство, но и глубокие социальные преобразования¹²⁵. Без этого борьба была бы бессмысленной. “Разве в словах “республика” или “монархия” заключено разрешение великой социальной проблемы?”¹²⁶, - вопрошал он. Республика не мыслилась им без полноты свободы и равенства. В своем новом еженедельном издании “Lettres a ses commettants” (“Письма к своим доверителям”) он писал: “Вовсе недостаточно опрокинуть трон. Нам важно из его обломков воздвигнуть святое равенство и непререкаемые права человека...”¹²⁷.

Разделяя вообще, в принципе идею республики, Робеспьер, так же, как и Марат, тактически еще считал необходимым сохранить короля, опасаясь, как бы республика не выродилась бы в тот момент в олигархию враждебных демократии лиц. Общая умеренность тактической линии Робеспьера в первый период революции в значительной степени определялась его абстрактно-созерцательным отношением к народу. Он был оторван от масс и не совсем уверен в их силе и революционных возможностях.

Между тем, именно революционное движение народных масс обеспечило дальнейшее поступательное движение революции и низвергло монархию во Франции. В напряженной обстановке, когда создалось крайне угрожающее положение на фронте и обострился продовольственный кризис в стране, одна за другой секции санкюлотов Парижа в июне и июле 1792 г. самовольными решениями объявляют свои заседания открытыми и непрерывными¹²⁸. Уступая требованиям секций, Законодательное Собрание вынуждено было 25 июля 1792 г. санкционировать непрерывность их собраний. Вопреки декретам Национального Собрания от 21 мая - 27 июня 1790 г., крайне ограничивавшим права и функции секций и отстранявшим широкие народные массы (так называемых “пассивных”) от активного участия в политической жизни страны, эти “пассивные” граждане активнейшим образом участвуют в работе многочисленных секционных народных обществ (возникших с конца 1791 и в начале 1792 г.), присутствуют на общих собраниях секций, и, по существу, определяют судьбы революции. Не довольствуясь муниципальными функциями, отведенными им декретами Национального Собрания, секции обсуждают все крупные злободневные вопросы политической жизни. Они горячо приветствуют прибывающих в Париж федератов и осуждают короля за то, что он запрещает им оставаться в столице¹²⁹. Повсеместно секции организуют сбор пожертвований в пользу федератов, расквартировывают их в своих кварталах и устанавливают тесный контакт с ними. 16 июля 1792 г. секция Quatre Nations обращается в Законодательное Собрание с петицией, в которой разоблачает короля как виновника того, что родина находится в опасности и требует его наказания¹³⁰. 23 июля секция Fontaine-de-Grenelle постановляет потребовать от Национального Собрания низложения короля. 25 июля такое же решение принимают секции Mauconseil, Lombard, Louvre и другие. В тот же день секция Palais-Royal выносит решение организовать производство пик и раздать их рабочим. По инициативе секции Mauconseil подавляющее большинство секций постановляют устроить 5 августа вооруженную демонстрацию с тем, чтобы, явившись в Законодательное Собрание, силой добиться от него низложения Людовика XVI.

С каждым днем готовность секции выступить на штурм монархии принимает все более решительный и боевой характер. На стенах Парижа появляются афиши с революционными призывами. В одной из них, названной «окончательный приговор» («Le jugement dernier»), критикуется бездействие Якобинского клуба, который, по мнению автора афиши, «давно уже превратился лишь в арену споров хороших патриотов с софистами». Афиша резко осуждает нерешительность Робеспьера и обращается с призывом к народу: «Восстань. Тираны созрели. Они должны пасть!»¹³¹.

В этих условиях Робеспьер должен был занять четкую, определенную позицию. Он присоединяется к революционным требованиям народных масс и открыто высказывается, наконец, за ниспровержение монархии. По примеру секций, в своей речи 11 июля 1792 г. в Якобинском клубе он приветствует федератов и требует, чтобы после дня Федерации они остались в Париже «для спасения родины».

По поручению Якобинского клуба Робеспьер пишет адрес «Федератам от граждан Друзей Конституции»¹³² и затем печатает его в № 9 своего журнала «Защитник конституции»¹³³.

В следующем номере этого журнала Робеспьер помещает полный текст известной петиции федератов от 17 июля 1792 г., в которой они требуют от Законодательного Собрания низложения короля. Нам представляется весьма вероятным предположение Бреша о том, что автором петиции 17 июля, возможно, был Робеспьер¹³⁴. Петиция эта, являющаяся как бы логическим развитием написанного им же адреса федератам от 11 июля, обосновывает в общем виде необходимость революционного ниспровержения монархии. Нация предана. Она в опасности и если представители народа не хотят ее сласти, то нация должна взять в свои руки дело своего собственного спасения. Та же мысль снова прозвучит в программной речи Робеспьера в Якобинском клубе 29 июля 1792 г.: «Необходимо, чтобы государство было спасено *каким угодно образом*»¹³⁵.

Так под непосредственным влиянием мощного революционного движения масс, когда в Париже решающую роль стали играть секционные собрания и народные общества, а их революционные требования, поддержанные вооруженными отрядами федератов, приобретали весьма внушительную силу, Робеспьер делает новый важный шаг в эволюции своих взглядов. Опасаясь и избегая еще в недалеком прошлом «крупных революционных актов», он видит теперь спасение только в революционном восстании народа. Описывая вскоре после 10 августа историю падения монархии во Франции, он признает в своей интереснейшей статье в № 12 журнала «Защитник конституции»¹³⁶, что Франция обязана своим спасением революционной активности широких народных масс и, прежде всего, организованному выступлению секций.

После свержения монархии

После 10 августа 1792 г. в мировоззрении Робеспьера произошли очень серьезные сдвиги. Они обусловлены были той новой внутренней и внешней политической обстановкой, которая сложилась во Франции в результате усиления классовой борьбы и дальнейшего размежевания сил внутри третьего сословия.

Победившие в восстании против монархии народные массы не сложили своего оружия. Подлинным властителем в Париже становится вооруженный парод и его представители в лице повстанческой революционной Коммуны. Это они принуждают испугавшееся революционного шквала Законодательное Собрание санкционировать сначала широкие полномочия Коммуны, вплоть до признания за ней права издавать декреты. Под их непосредственным давлением Законодательное Собрание принимает в ночь с 10 на 11 августа властно требуемый секциями закон о всеобщем избирательном праве и уничтожении деления на «активных» и «пассивных» граждан. Отныне те, кого раньше называли «пассивными», допущены в Национальную гвардию и получают оружие. Наряду со всеми они полноправно участвуют в работе секций, сообщая им особую революционную энергию и решительность действий. Под влиянием требований секций происходит реорганизация Национальной гвардии (вместо прежних 60 батальонов Национальная гвардия теперь сокращена по числу секций до 48 батальонов, контролируемых военными комитетами секций). Повсеместно секции заняты организацией своих вооруженных сил: проводят массовое обучение граждан умению владеть оружием, создают резервные военные формирования.

Каждый вечер, собираясь на свои заседания, секции активно участвуют в политической жизни. Их наблюдательные комитеты зорко следят за врагами революции. По поручению Коммуны секции арестовывают злоумышленников. «Комитеты 3-х», созданные в секциях для проверки тюрем выявляют невинно осужденных патриотов. Согласно декретам Коммуны секции вводят гражданские свидетельства и паспорта. Комиссары секций приостанавливают на почте пересылку в провинцию роялистской прессы, проверяют содержание писем неблагонадежных лиц. Опираясь на революционную активность секций, на их большую поддержку, Коммуна могла осуществлять всю полноту своей революционной власти, не ограничивая ее рамками местного значения. Она вызывала к себе для отчетов министров и других представителей высшей администрации, вовсе не обязанных отчитываться перед ней. Ее комиссары посылались в различные департаменты, а политические циркуляры Коммуны достигали самых отдаленных частей страны.

Бурная энергия народного революционного движения оказала громадное влияние на Робеспьера.

Несомненной заслугой его было то, что он сразу же сумел правильно оценить решающее значение растущей политической активности народных масс и понять необходимость теснейшего сплочения с народом. Выступая вечером 10 августа 1792 г. в Якобинском клубе, он настаивал на том, чтобы якобинцы усилили связь со своими секциями и народными обществами, предлагал ряд конкретных мер по активизации деятельности секций¹³⁷. Массен с полным основанием противопоставляет в этом отношении Робеспьера жирондистам, которые «пышными фразами величали народ, но старались держаться от него подальше»¹³⁸.

Робеспьер установил тесный контакт со своей секцией Пик и 11 августа был избран ее представителем в революционную Коммуну Парижа. С 12 августа он начал свою активную работу в Генеральном Совете Коммуны.

Вопрос о роли и значении Робеспьера в Коммуне до сих пор еще очень мало изучен исторической наукой. К сожалению, мимо этого проходят и новейшие биографы Робеспьера. Нам кажется, что правильное разрешение этого вопроса является важным как для полноты наших представлений о жизни, деятельности Робеспьера и эволюции его идей, так и для изучения истории революционной Коммуны Парижа 1792 г., сыгравшей громадную роль в углублении революции. Революционная практика Коммуны, опиравшаяся на народные массы, обогащала Робеспьера опытом борьбы, революционизировала его взгляды. С другой стороны, и Коммуна в повседневной своей работе испытывала на себе сильное влияние Робеспьера, который, несомненно, занимал одно из ведущих мест среди ее деятелей.

В своей капитальной монографии по истории Коммуны 10 августа 1792 г. Бреш отмечает, что роль Робеспьера в Коммуне была очень велика¹³⁹. По сведениям Булазо, Робеспьер активно участвует в этот период в 144 заседаниях Генерального Совета и Якобинского клуба¹⁴⁰. Во главе делегаций Коммуны он неоднократно появляется у решетки Законодательного Собрания¹⁴¹. По поручению Коммуны и от ее лица он пишет адрес в Законодательное Собрание (15/VIII)¹⁴² и обращение к секциям (1/IX)¹⁴³. Его рукой написано постановление Коммуны от 21 августа (против восстановления власти департаментской администрации). Черновик этого постановления был найден в бумагах Робеспьера после 9 термидора¹⁴⁴.

Ведущая роль Робеспьера в Коммуне на первом этапе ее революционного существования (особенно в августе-сентябре 1792 г.) навлекла на него многочисленные нападки со стороны жирондистов, обвинявших его в личном деспотизме в ее Генеральном Совете и т. п. В жирондистской афише "Les dangers de la Victoire"¹⁴⁵ (середина августа 1792 г.) выпады против Коммуны теснейшим образом переплетаются с упреками по адресу Робеспьера¹⁴⁶. 29 октября Луве выступает в Конвенте с требованием обвинительного акта против Робеспьера, вменяя ему в вину революционные действия Коммуны¹⁴⁷. Весьма характерно, что когда в конце октября наступило общее оживление контрреволюции и усилилась борьба против революционной политики Коммуны, в это же время реакционные уличные манифестации требуют голов Марата и Робеспьера. Все это свидетельствует о том, что современники самым тесным образом связывали Коммуну с деятельностью в ней Робеспьера, и игнорировать это совершенно невозможно.

В период деятельности Робеспьера в Коммуне эволюция его мировоззрения достигла новой, качественно отличной от прежней ступени, что в большой мере идейно подготовило его к руководящей роли в период якобинской диктатуры. Новым и очень важным в эволюции мировоззрения Робеспьера был его более революционный подход к идее демократии в целом и прежде всего, к идее народного суверенитета. В начале революции 1789 г. идея народного суверенитета у Робеспьера носила еще весьма абстрактный характер и выражалась преимущественно через отвлеченные принципы и этические категории. В таком виде она мало отличалась от общих фраз о народном суверенитете, которые можно было в то время услышать из уст жирондистов и даже фельянов. В августе 1792 года, обобщая реальный опыт революционной Коммуны, представлявшей собой своеобразную форму революционной власти народа, Робеспьер постепенно все больше подходит к пониманию суверенитета народа, как конкретной системы народовластия. В этой системе народовластия решающая роль должна принадлежать, по его мнению, общим собраниям секций. Исходя из этого, он осуждает Учредительное и Законодательное собрания за то, что их депутаты были оторваны от первичных народных собраний и не консультировались с ними. "Признавая на словах суверенитет народа, они на деле уничтожили его"¹⁴⁸. Председательствуя на избирательном собрании секции Пик (27 августа 1792 г.), Робеспьер предложил, чтобы окончательное избрание депутатов в Национальный Конвент (выборы были двухстепенные) было бы ратифицировано секциями¹⁴⁹. Они должны требовать отчета у своих представителей в Национальный Конвент, могут отзываться их и высказывать свое мнение по главным вопросам их политики¹⁵⁰.

Во всех случаях, когда Законодательное Собрание выступало особенно враждебно по отношению к Парижской Коммуне и пыталось даже вовсе упразднить ее, Робеспьер считает необходимым обратиться за помощью к секциям. Теперь он уже не ограничивается, как прежде, только логическим воздействием на депутатов Законодательного Собрания, а ищет поддержки непосредственно у народных масс. Так, в адресе ко всем секциям, написанном им по поручению Генерального Совета (1 сентября 1792 г.), он заявляет, что если секции утвердят своей волей данный состав революционной Коммуны, то она сохранит власть вопреки запретам Законодательного Собрания. Однако следует заметить, что в целом Робеспьер даже и в этом вопросе проявлял осторожность, все еще оставаясь в своем мышлении на юридической "правовой почве" (Энгельс)¹⁵¹. Например, он был против прямого давления народных масс на Законодательное Собрание¹⁵² и ошибочно предлагал в своем адресе 1 сентября, чтобы Коммуна впредь до решения секций ушла бы в отставку¹⁵³. Революционная Коммуна отклонила это предложение и внесла весьма существенные коррективы в текст обращения к секциям.

В теоретическом отношении этот документ, составленный Робеспьером, представляет несомненный интерес для изучения вопроса о формировании его взглядов на диктатуру народа¹⁵⁴. Анализируя с большой глубиной и проницательностью исторический опыт Коммуны, он вскрывает ее важнейшие особенности¹⁵⁵: 1) она создана восставшим народом и облечена им всей полнотой власти, 2) ее задача - общественное спасение, тогда как Законодательное Собрание предавало дело общественного спасения, 3) в отличие от интриганов и изменников старой законодательной власти - депутаты Коммуны - подлинные деятели народа: "Эти новые общественные служащие нисколько не похожи на тех, которые были до них... Из всех уполномоченных народа, они одни были народом во всех отношениях"¹⁵⁶.

Так, правильно установив, революционную сущность Коммуны, Робеспьер подходит к пониманию вопроса о власти нового типа, о подлинно народном революционном правлении. Вот почему он так убежденно, с такой неукротимой энергией борется за полноту власти Коммуны, против попыток восстановления старой реакционной департаментской администрации и против ограничения компетенции революционной Коммуны чисто муниципальными функциями¹⁵⁷. Исходя из защиты демократических принципов народовластия, Робеспьер разоблачает жирондистов,

которые, по его выражению, “хотят конституировать республику только для самих себя... намерены управлять лишь в интересах богачей и должностных лиц”¹⁵⁸.

Одновременно с более глубоким революционным осмыслением сущности идеи народного суверенитета, решая практически задачу демократизации государственного строя, Робеспьер порывает постепенно с принципом разделения властей. Ранее, в своей деятельности в Учредительном Собрании, полемизируя по отдельным, даже самым частным вопросам проекта Конституции 1791 г., он не оспаривал однако ее политической основы - разделения властей (видя в нем способ ограничения королевской власти). Теперь же, вслед за Руссо, он неоднократно говорит о неделимости народного суверенитета¹⁵⁹.

В этом также непосредственно сказался конкретно-исторический опыт революционной Коммуны 1792 г., которая действительно объединила в своем лице власть законодательную, исполнительную и судебную¹⁶⁰. Издавая революционные декреты, Коммуна вместе с тем руководила их исполнением. К ее решетке вызывались те, против кого выдвигались политические обвинения. Она ввела в действие гильотину и после того, как ее делегации настоятельно требовали этой меры у Законодательного Собрания, организовала чрезвычайный трибунал¹⁶¹. Примечательно, что во главе такой депутации от Коммуны был Робеспьер.

В своей речи в Законодательном Собрании 15 августа 1792 г. он обосновал революционными доводами необходимость создания чрезвычайного трибунала¹⁶². Это выступление Робеспьера представляет большой интерес как конкретное выражение его революционных идей. По его мнению, дело революционной расправы с врагами может быть осуществлено только самим народом. С этой целью должен быть коренным образом изменен состав суда. Новый суд должен состоять не из старых конституционных судей, а из вновь избранных комиссаров от всех секций. Эти комиссары секций, являющиеся воплощением суверенитета народа, вынесут осужденному окончательный приговор, не подлежащий кассации. При этом главным и определяющим критерием объявляется общественная необходимость и воля народа. “Народ хочет наказания виновных. Он прав”¹⁶³. В этой своей речи 15 августа Робеспьер высказал некоторые из тех мыслей о революционном терроре, которые позже, в период якобинской диктатуры, получают свое дальнейшее развитие и осуществление на практике. Он требует быстроты и решительности в расправе с врагами революции; предлагает судить не только открытых врагов, но и тех, кто маскируется патриотической фразеологией.

Так, по мере сближения его с народом, под влиянием народных устремлений, энергично выраженных в растущей борьбе масс, Робеспьер постепенно эволюционирует от идеи формальной, буржуазной демократии к идее диктатуры народа. Вместе с тем он постепенно порывает (теперь уже более твердо и решительно, чем он делал это раньше) с теми формально-правовыми и этическими нормами, которых он придерживался в начале революции. Горячий защитник “индивидуальных свобод” и равенства прав, борец за всеобщее избирательное право, он предлагает (3 сентября 1792 г.) при выборах в Конвент исключить из избирательных списков всех врагов народа (монархистов, фельянов), и тех, кто не сможет доказать своей политической благонадежности¹⁶⁴. Недавний приверженец свободы печати, он теперь вполне согласен с революционными актами Коммуны 12 августа (одобряет закрытие монархических газет)¹⁶⁵. Сторонник уничтожения смертной казни, он берет под свою защиту убийства заключенных в сентябрьские дни 1792 г.¹⁶⁶. В яркой речи в Конвенте от 5 ноября 1792 г., Робеспьер защищает революционный гнев народа и противопоставляет жертвам сентября сотни тысяч патриотов, уничтоженных тиранией¹⁶⁷. Высказываясь 3 декабря 1792 г. за присуждение Людовика XVI к смертной казни, он восклицает: “Людовик должен умереть, потому что нужно, чтобы Родина жила!”.

Если в политических идеях Робеспьера в течение периода с 10 августа 1792 г. до 31 мая 1793 г. произошли существенные изменения, серьезно и радикально углубились его демократические воззрения, то в социальных его взглядах все еще нет ясного понимания сущности экономических требований масс¹⁶⁸. Уделяя сравнительно большее, чем на первом этапе революции внимание социальным вопросам, Робеспьер по-прежнему отводит все еще главное место политике и политическим соображениям, не выходя по существу за пределы “политического рассудка”. Поэтому, как и раньше он объективно оставался еще весьма далеким от подлинного понимания жизненно важных социальных задач, выдвинутых народными массами в их борьбе за свои права и интересы.

Энгельс писал, что плебейские массы и их теоретические представители, находясь в своем мышлении так же, как и Робеспьер (хотя и на иной) на юридической, “правовой почве”, однако, расширили правовое равенство требованием равенства социального¹⁶⁹. Именно такой смысл вкладывали секции в новую формулу революционного летоисчисления, введенную Коммуной 1792 г.: 4-й год свободы, 1-й год равенства.

Логика жизни и классовой борьбы закономерно выдвигала социальный вопрос на первый план. С осени 1792 г. во Франции усилился экономический кризис, возросли инфляция и дороговизна. По всей стране прокатилась широкая волна народных движений, которые поставили социальный вопрос в самой острой, решительной форме. В Париже революционными очагами борьбы явились секции. В середине октября они создали центральный комитет по продовольственным вопросам. Этот комитет неоднократно обращался в Конвент с требованием принять решительные меры по снабжению Парижа продовольствием. В “Общем донесении комиссаров 40 секций Парижа своим доверителям о продовольственном положении”¹⁷⁰ резко обличалась старая продовольственная администрация муниципалитета и ее экономическая политика потворства спекуляции.

Множество петиций от народных секций Парижа и департаментов содержали требование установления таксации цен. Так, 10/IX-1792 секция Моконсейль (Maconseil) обсуждала на своем собрании вопрос о скупщиках и постановила, чтобы продукты первой необходимости продавались бы по той же цене, что и до революции и чтобы все торговцы объявили о запасах товаров, имеющихся у них. Это постановление секции Моконсейль обсуждалось затем во всех секциях. По мнению Бреша, это была первая попытка введения максимума¹⁷¹. 29 ноября Генеральный Совет Коммуны и комиссары секций по продовольствию снова представили в Конвент адрес, в котором резко осуждалась политика свободы торговли и была решительно выдвинута социальная проблема борьбы против “богачей, которые обрекли на жестокую нужду народ, совершивший революцию”¹⁷². С обоснованием необходимости введения “максимума” выступают идеологи плебейства - “бешеные”. Иногда народ сам в кровопролитных схватках стихийно устанавливает “максимум” (убийство мэра д'Этампа Симоно, который сопротивлялся таксации цен; введение максимума силами революционного движения в Лионе и т. д.).

Осенью и зимой 1792-1793 г. Конвент неоднократно вынужден обсуждать вопрос о народных восстаниях в провинции в связи с обострением продовольственного положения: 27 и 28 октября в Конвенте рассматривается положение в департаменте Сены и Уазы и вопрос о прочее в этом же департаменте. 16 ноября в Конвенте принята делегация от департамента Луары и Шеры с сообщением о восстании. 27 и 28 ноября Ролан сообщил в Конвенте о волнениях в департаментах Эры и Луары, Сарты и в Лионе. 1, 3 и 6 декабря 1792 г. Конвент начал обсуждением народных волнений в департаменте Эры и Луары и т. д.

Однако ни массовое народное движение в департаментах, ни революционные требования секций Парижа не могли еще в ту пору принудить Конвент отказаться от его буржуазной политики неограниченной свободы торговли, и эта политика еще раз была санкционирована декретом Конвента от 8 декабря 1792 г. Опасаясь больше всего за собственность, буржуазия всемерно тормозила введение максимума, видя в нем посягательство на священные основы собственности. 21 сентября 1792 г. при открытии Конвента была торжественно декларирована неприкосновенность собственности. Еще более внушительно была официально подтверждена неприкосновенность собственности 18 марта 1793 г., когда был принят декрет, карающий смертью за пропаганду “аграрного закона”. Характерно, что и Революционная Коммуна 21 сентября официально признала “самым настоятельным делом поддержать священное право собственности”¹⁷³ и обязалась обеспечить это право даже и за врагами.

В вопросе об отношении к собственности Робеспьер разделял взгляды Конвента и Коммуны. При всем революционно-демократическом характере своих идей, он по существу, не выходил объективно за пределы буржуазного мировоззрения. Как и другие члены Конвента и Коммуны, он неизменно стоял за незыблемость основ института частной собственности. Вот почему он отрицательно отнесся к пропаганде т. н. “аграрного закона”, видя в нем посягательство на существование частной собственности. Он считал проект “аграрного закона” - “в равной мере опасным, несправедливым и непрактичным” (*un projet également dangereux injuste et impratique*)¹⁷⁴. Он писал: “не найдется ни одного человека, обладающего некоторым собственным промыслом (*doue de quelque industrie*), чей интерес не был бы нарушен этим экстравагантным проектом”¹⁷⁵. Так же враждебно относился к “аграрному закону” и Марат¹⁷⁶. Следует отметить, что и Робеспьер и Марат воспринимали “аграрный закон” не как передел земли, а как введение общности владения ею. Такое понимание “аграрного закона” было в ту пору весьма распространенным¹⁷⁷.

Именно с этой точки зрения Робеспьер обосновывал свое отрицательное отношение к “экстравагантному проекту”, подчеркивая, что полное равенство имуществ невозможно, так как непременно предполагает общность (*quelle suppose necessairement la commune*), которая совершенно очевидно является для нас химерой (*chimerique parmi nous*)¹⁷⁸.

Для характеристики социальных взглядов Робеспьера в этот период особый интерес представляют его статья в № 4 журнала “Защитник Конституции”, в которой он помещает петицию граждан д'Этампа, отредактированную Пьером Доливье (автор проекта “аграрного закона”¹⁷⁹), речь Робеспьера о свободе торговли 2 декабря 1792 г.¹⁸⁰ и его проект “Декларации прав Человека и Гражданина”, предложенный им в апреле 1793 г.¹⁸¹.

Во всех этих работах, в отличие от народных масс и выразителей чаяний плебейства “бешеных”, Робеспьер еще не поднялся до понимания необходимости введения максимума.

В своей речи 2 декабря 1792 г., посвященной вопросам продовольствия он высказывается лишь против неограниченной свободы торговли, с ее теоретическими принципами *laissez faire, laissez passer*. При этом он делает попытку обосновать правомерность государственного вмешательства в собственность частных лиц. Так, он устанавливал два вида собственности: 1) собственность, размеры которой не превышают средней величины, характерной для всего общества (*propriete commune a la societe entiere*) и представляющей, то, что необходимо для сохранения жизни человека. Эту собственность Робеспьер объявляет священной и охраняемой государством. 2) Излишки, превышающие самое необходимое. Это - индивидуальная собственность, которую государство вправе отнять у тех, кто промышляет спекулятивной торговлей¹⁸². По мнению Робеспьера, собственность, которая угрожает существованию других, незаконна (например, нажитая спекуляцией, которую он называет разбоем).

Та же идея развивается им в апреле 1793 г. и зафиксирована в особом пункте его проекта “Декларации Прав Человека и Гражданина” 1793 г.: “Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать (*de jouir et de disposer*) той долей имуществ (*la portion de biens*), которая ему гарантирована законом”¹⁸³.

Однако, все эти теоретические рассуждения Робеспьера остаются отвлеченными мыслями и не доведены им до логического конца. На практике он все еще не решается идти дальше регламентации продуктов обмена, и ограничивается довольно слабыми паллиативами, проявляя и в этом вопросе обычную непоследовательность.

Как и в начале революции он ищет компромиссного разрешения социальных проблем в эгалитаризме. Исходя прежде всего из интересов мелкой буржуазии, стремясь обеспечить и укрепить ее позиции, Робеспьер увязывает право собственности с правом на существование, оправдывая и то, и другое. Следует отметить, что такого рода взгляды разделялись не только собственно мелкой буржуазией, но и широкими массами санкюлотов, с их мелкобуржуазной психологией. Чтобы предотвратить неограниченное обогащение одних за счет разорения других, Робеспьер считает нужным, чтобы революция ограничила увеличение размеров имуществ отдельных лиц. Он пытается остановить растущий процесс имущественного неравенства и официально ввести ограничение собственности, установив в своем проекте Декларации Прав 1793 г. этические границы ее. Даже в подходе к проблеме собственности Робеспьер использует в качестве главного критерия этические принципы и обвиняет богачей в том, что в их глазах собственность "совершенно не базируется на морали". "Право собственности должно быть ограничено, как и все другие права человека, обязательством уважать права другого"¹⁸⁴, - гласила предложенная им 17 статья проекта Декларации.

Характерно, что при постановке вопроса о собственности буржуазия ревниво отвергала всякие моральные покровы и политические иллюзии революции. Конвент решительно отклонил все статьи Робеспьера о собственности в его проекте "Декларации Прав" 1793 г., усматривая в них ограничение буржуазных интересов.

Уже сам по себе факт признания Робеспьером необходимости насильственного ограничения индивидуальной собственности правами другого человека свидетельствует о том, что и в области экономики так же, как и в политике, он отошел от защиты прав индивидуальной свободы во что бы то ни стало, подчиняя права отдельного человека интересам общества. Но, ограничивая собственность, он вместе с тем признавал само право частной собственности священным. В этом противоречивом отношении Робеспьера к собственности проявлялась двойственность буржуазного революционного демократизма Робеспьера, мелкобуржуазная ограниченность его идеологии. Он не смог выйти за узкие рамки мировоззрения своего класса, своей эпохи. Так, при всем своем несомненном сочувствии и уважении к народу и к его революционным заслугам, искренно веря, что сам он действует во имя интересов народа и от его лица, Робеспьер оказывается по существу еще далеко от народа, от понимания его коренных жизненных нужд. Такое отношение к народу приводит к тому, что в революционных восстаниях народных масс 14/VII-1789 г., 10/VIII-1792 г. и 31/V-2/VI-1793 г. Робеспьер не принимает непосредственного участия и предоставляет народу действовать самому¹⁸⁵.

Робеспьер - вождь и теоретик якобинской диктатуры

Революционное восстание народных масс 31 мая - 2 июня 1793 г. подняло французскую буржуазную революцию на высшую ступень. Дело уже не ограничивалось борьбой за ликвидацию феодально-абсолютистского строя, как это было в восстаниях 14 июля 1789 г. и 10 августа 1792 г. Свержение господства жирондистов, пытавшихся затормозить революцию, знаменовало собой поступательный ход революции, глубинную демократизацию общественно-политического строя Франции. Якобинская диктатура, как это показал В.И. Ленин, была по существу своему диктатурой "низов" - диктатурой народа.

Революционная практика якобинской диктатуры, опирающейся на восстание, а не на законность с ее легальными учреждениями, не укладывалась в рамки абстрактных доктрин просветительной философии. Это постепенно становилось ясным и для руководителей якобинцев: "Смит и Монтескье не имели никакого опыта (l'experience) в том, что происходит у нас"¹⁸⁶, заявил Сен-Жюст. "Мужество противозаконности"¹⁸⁷ народных масс в революций превзошло не только идеи Монтескье, но и самые смелые предначертания "Общественного договора" Руссо. Робеспьер не мог этого не заметить: "Теория революционного правления столь же нова, как и революция... Ее не следует искать в книгах политических писателей, которые вовсе не предвидели эту революцию..."¹⁸⁸, - сказал он в речи 25 декабря 1793 г. Замечательно выразил ту же мысль и Сен-Жюст: "Те, кто совершают революцию, напоминают первых мореплавателей, умудренных собственной смелостью"¹⁸⁹.

Со смелостью истинных революционеров Робеспьер и Сен-Жюст сумели не только вовлечься в революционный поток, но и глубоко осмыслить то общественно новое, что он с собою нес. Они обобщили опыт Революционной Коммуны 1792 г., в известном смысле явившейся предвестницей якобинской диктатуры, и восстания 31 мая - 2 июня 1793 г., в результате которого революционное творчество масс создало новое соотношение классовых сил в стране и новые формы и принципы революционной власти¹⁹⁰.

Радикализм и революционная демократичность социально-политической мысли Робеспьера в этот период (июнь 1793 г. - июль 1794 г.) являются как бы углублением той линии его идейного развития, которая со всей четкостью определилась после восстания 10 августа 1792 г. Но тогда эти идеи носили еще у Робеспьера скорее негативный характер, их надо было отстаивать в борьбе с жирондистами, захватившими в то время власть в стране. Теперь же политическое господство якобинцев, опиравшихся на народ, создало условия для широкого воплощения этих идей в революционной практике якобинской диктатуры, что придало им особенно активный, позитивный смысл и позволило дать им глубокое теоретическое обоснование.

Главной руководящей политической идеей Робеспьера в период якобинской диктатуры оставалась идея народовластия, сложившаяся в основных своих чертах уже в предыдущий период. То была идея революционной диктатуры народа, которая, по мнению Робеспьера, являлась высшей формой демократии, подчиненной интересам громадного большинства народа. Еще в речи 10 мая 1793 г. он говорил: "До сего времени искусство управлять состояло в том, чтобы обирать и порабощать большинство в пользу меньшинства (le grand nombre au profit du petit nombre), а законодательство возвело это в систему"¹⁹¹. В том же плане противопоставлял старый режим принципам революционно-демократической власти и Сен-Жюст в докладе 10 октября 1793 г.: "в свободном государстве меры охраны порядка (police) применяются по отношению к меньшинству, враждебному общему благу и при

и при злоупотреблениях или пренебрежениях властью, тогда, как при тирании эти меры применяются государством (la police d'Etat) по отношению к несчастным, поднявшимся против несправедливости и произвола власти"¹⁹².

Оценивая режим якобинской диктатуры как воплощение народовластия, Робеспьер летом 1793 г. стремился теснее сплотить якобинцев с восставшим народом. Если раньше он избегал прибегать к средствам народного восстания, то теперь, после 31 мая - 2 июня 1793 г., в момент ожесточенной гражданской войны, развернувшейся по всей Франции, он следующим образом определяет важнейшую политическую задачу момента: "Нужно, чтобы восстание продолжалось"¹⁹³. Столь же решительно, с еще большей конкретностью он формулирует в другой своей записи: "Внутренние опасности исходят от буржуа, чтобы победить буржуа, нужно объединить народ. Нужно, чтобы санкюлоты сплывались и оставались в городах. Нужно предоставить им оружие... нужно их просвещать"¹⁹⁴.

Опыт деятельности революционной Коммуны 1792 г., непосредственно опиравшейся на секции Парижа, теперь был перенесен якобинцами на организацию власти во всей стране. Отныне коммуны Франции (их насчитывалось всего 44 000) и секции, в которых решающая роль переходит к патриотическим народным обществам санкюлотов, становятся самым могущественным орудием осуществления политики Конвента и его революционного Комитета Общественного Спасения. Повсюду, вплоть до самых глухих деревень, возникают выборные политические органы народной власти на местах - революционные комитеты. Используя и направляя революционную самодеятельность масс, якобинская диктатура успешно осуществляет грандиозную работу по организации обороны страны. Решение важнейших политических задач революции требовало, по выражению Сен-Жюста, "отождествить (d'identifier) власть с революционным движением"¹⁹⁵.

Революционное движение масс толкало Конвент вперед и определяло те громадные социальные и политические преобразования, которые он совершил в период якобинской диктатуры, с невиданной смелостью решая основные задачи буржуазно-демократической революции. Крестьянские восстания, поддержанные революционными требованиями местных коммун, решили по существу вопрос о ликвидации феодальных отношений в деревне, а движение плебейских масс в городах принудило Конвент перейти к политике "максимума". Именно массы были на деле творцами политики террора, этого "плебейского способа" расправы с врагами революции: так, в начале июня 1793 г. секция Ломбар предложила создать в Епископстве комитет из 48 представителей от всех секций, как орган бдительности по отношению к врагам¹⁹⁶. Секция Французского Пантеона потребовала 27 июня снять с гражданских должностей аристократов и священников¹⁹⁷, 14 августа 1793 г. секция Арси приняла резолюцию о немедленном наказании жирондистов: "большое зло требует сильных мер"¹⁹⁸, - было записано в этой резолюции.

В то же время тайные агенты доносили в Комитет Общественного Спасения: "каждый ропщет, что революционный трибунал до сих пор не судит Бриссо и Ко"¹⁹⁹. Наконец, 5 сентября 1793 г. под непосредственным воздействием мощного подъема революционного движения народных масс²⁰⁰. Конвент (председательствовал там в этот день Робеспьер) принял решение "поставить террор в порядок дня".

Террористическая практика якобинизма была ломкой всей старой формально-юридической (правовой) законности. Старой власти, связанной законом, она противопоставила новую революционную законность, новый революционный порядок, "опирающийся на голое насилие" (Ленин). Старый суд с его формально-юридическими правовыми нормами не соответствовал революционным условиям, времени и обстановке. Народная революция внесла существенные изменения в исходные принципы юстиции, ее формы и содержание. Террор якобинской диктатуры опирался на массовые революционные организации на местах. К началу 1794 г. в департаментах создано было 178 "народных", "подвижных" и "военных" трибуналов. Помимо того, те же функции охраны революционной безопасности выполняли "временные", "народные" и "революционные" комитеты²⁰¹. Новые законы 17 сентября 1793 г. ("О подозрительных") и 22 прериаля (10 июня 1794 г.) с революционной смелостью отвергали былые юридические права и установления. В своей весьма содержательной статье "Новая интерпретация прериальского закона" Кальве²⁰² приходит к совершенно правильному выводу о том, что закон 22 прериаля утверждал право, соответствующее революции, и удачно назвал его "loi de combat" - законом битвы.

Анализ речей Робеспьера в этот период, его бумаг и документов, составленных им по поручению Комитета Общественного Спасения показывает, что Робеспьер теперь уже полностью сумел преодолеть свои прежние формально-правовые представления о "чистой демократии". Выступая против старых правовых норм и состязательной формы судебного процесса, он, в созвучии с требованиями народных масс, настаивает на большей гибкости, быстроте и решительности в расправе с врагами. Он называет старые "адвокатские формы" *предательскими*²⁰³ и обвиняет старый суд в *преступной медлительности*²⁰⁴. В его записной книжке встречаются неоднократные пометки о революционном трибунале, о необходимости его реорганизации и улучшения его работы²⁰⁵. Характерно, что рекомендуя революционный порядок судебного разбирательства взамен старых "адвокатских форм", Робеспьер исходит из принципов революционной этики: "Правилom процесса должна быть совесть присяжных, просвещенных любовью к справедливости и отечеству. Цель присяжных - *общественное благо* и гибель врагов отечества"²⁰⁶. Такое же этическое обоснование дает и Кутон в докладе о законе 22 прериаля. Старую юстицию Кутон считает "ложной религией, целиком состоящей из догм, ритуалов и таинств, откуда была изгнана мораль"²⁰⁷.

Сначала революционная диктатура с ее насильственными методами террора воспринималась якобинцами как временная мера, вызванная условиями войны, особенностями исторического момента. Такова была и конкретно-политическая аргументация необходимости революционного порядка правления (“gouvernement revolutionnaire”) в докладе Сен-Жюста 10 октября 1793 г. Даже самый этот доклад был назван им “об установлении революционного порядка правления вплоть до заключения мира”. Робеспьер также первоначально рассматривал (в докладе 25 декабря 1793 г.)²⁰⁸ “режим революционного управления” как нечто преходящее, связанное самим фактом своего существования с войной.

Постепенно, по мере более глубокого осмысления сущности революционной якобинской диктатуры, по мере того, как ее деятели постигали сущность и задачи этой диктатуры не только в ее разрушительном, негативном значении, но и в позитивном, конструктивном аспекте, они все больше раздвигали сроки ее существования и доказывали необходимость ее сохранения даже и после победы в войне. Так, в речи в Конвенте- 26 мая 1794 г. Робеспьер прямо заявил, что и после перелома в войне должен сохраняться революционный порядок правления - “республику устанавливает не победа..., не преходящий энтузиазм”²⁰⁹ - сказал он. Даже после блистательных военных побед на фронтах, после битвы при Флерюсе, решившей т; сути дела победоносный исход войны, - Сен-Жюст и Робеспьер считают необходимым и далее сохранять режим революционной диктатуры. В докладе Сен-Жюста 16 апреля 1794 г. он говорит о необходимости революционного порядка правления уже вне связи с обстоятельствами войны: “Революционный порядок правления не означает ни военного положения, ни состояния победы (conquete), но переход от зла к добру, от коррупции к честности, от плохих максим к хорошим”²¹⁰. В самой последней своей речи в Конвенте, 8 термидора (26 июля 1794г.), когда враги уже не скрывали больше своей ненависти к революции и “революционному порядку правления”. Робеспьер еще раз мужественно выступил с обоснованием права на существование революционной диктатуры: “это - гром свободы против преступления, - сказал он, характеризуя террористический режим. “...Без революционного порядка правления Республика не может удержаться”²¹¹. Таким образом вожди якобинской диктатуры постепенно осознали ее сущность и огромное значение не как временной, быстро преходящей чрезвычайной политики, а как условия, необходимого для полного осуществления демократических задач революции.

Исполненное необычайной энергии и самоотверженности активнейшее участие Робеспьера в героической практике якобинской диктатуры, его повседневная напряженная и ответственная деятельность в Якобинском клубе и Конвенте²¹², руководящая роль в Комитете Общественного Спасения и в Бюро общей полиции, переписка с патриотами департаментов, с народными обществами и “депутатами в миссии” - комиссарами Конвента - все это позволило ему на основе обобщения боевого опыта революционной якобинской диктатуры дать глубокое теоретическое обоснование ее принципов. Огромный интерес в этом отношении представляет его доклад о принципах революционного управления, сделанный им от имени Комитета Общественного Спасения 25 декабря 1793 г. Здесь он прямо ставит вопрос: что же такое революционное управление?²¹³ Он отдает себе при этом отчет, что вопрос этот сложен и далеко не всем ясен: “для аристократии термин - революционное управление - лишь символ террора или объект клеветы, для тиранов - это только недоразумение, для большинства людей - загадка”²¹⁴. И Робеспьер с удивительной глубиной раскрывает эту “загадку”. Он говорит, что революционное правительство действует в грозных и изменчивых обстоятельствах. Это требует от него чрезвычайной энергии и свободы в применении революционных актов, так как оно должно “изыскивать новые и быстро действующие средства борьбы в войне свободы против ее врагов”. Революционное управление - теперь Робеспьер в этом уже глубоко убежден - не может руководствоваться буквальным соблюдением конституционных законов. Их запутанные правила “свяжут его по рукам и ногам”. Старой конституционной законности прежних лет Робеспьер противопоставляет революционный порядок управления, который в своих действиях “опирается и на самый священный из всех законов - закон общественного спасения и на самый непоколебимый из всех принципов - необходимость”²¹⁵.

Так в условиях якобинской диктатуры, на высшем этапе развития революции, завершается сложный, противоречивый процесс развития политических идей Робеспьера от идеалов формально-правовой демократии до признания и теоретического обоснования принципов революционной диктатуры. Обоснование. Робеспьером необходимости и правомерности революционной диктатуры было выражением наивысшей степени революционной зрелости его мысли. Оно неразрывно связано было с более глубоким постижением им демократических задач революции, ее конечной цели. Робеспьер, как и другие деятели якобинской диктатуры, теперь уже воспринимает революцию не только как крутую ломку существующих отношений, но как глубокий процесс общественных преобразований. Как и Сен-Жюст он постепенно начинает осознавать ее длительный характер и ее незавершенность²¹⁶. “Революция начинается, когда тирану приходит конец”²¹⁷, - заявил Сен-Жюст. “Те, кто делает революцию наполовину, те лишь роют себе могилу”²¹⁸. По-своему борясь за углубление революции. Робеспьер в инструкции, составленной им по поручению Комитета Общественного Спасения для “народной комиссии” в Оранже относил к врагам революции тех, кто какими бы то ни было средствами и каким бы то ни было образом “старались задержать *поступательное движение* революции и помешать упрочению республики”²¹⁹.

Идея революционной диктатуры так же, как и мысль о необходимости длительного углубления революции, развивались в сознании Робеспьера в теснейшем взаимодействии с эволюцией его этических взглядов. Эволюция этики Робеспьера, определившаяся уже после победы народного восстания 10 августа 1792 г., достигла наибольшей полноты своего выражения в период якобинской диктатуры. Если на первых порах идейного развития Робеспьера формально-демократической концепции еще могли соответствовать буржуазно-правовые рамки индивидуализма, то пропаганда принципов революционной диктатуры и более революционное понимание сущности демократии требовали безусловно замены принципов индивидуализма принципами, утверждавшими приоритет общего дела,

“общего интереса” над частными интересами. Робеспьер это прекрасно понимал, противопоставляя революционное правление конституционному. Тогда как конституционное правление, по его мнению, должно быть занято, главным образом, обеспечением индивидуальной свободы, правление революционное больше всего озабочено охраной общественной свободы. Только упрочив свободу и гарантировав сохранение демократической Республики, можно будет перейти от этого революционного режима (“режима войны и бури”, по его определению) к конституционному режиму, который он образно назвал “режимом торжествующей и мирной свободы”²²⁰.

Так, Робеспьер снова говорит о своем идеале свободы человеческой личности, но уже отодвигает его осуществление до наступления новой более совершенной (крайне туманно представляемой им) стадии общественного развития.

Никогда раньше этика не имела в идеологии Робеспьера, такого активного и боевого всеобъемлющего характера, как это было в период якобинской диктатуры. Посредством этических категорий обосновывалась им историческая правомерность революционной диктатуры. Абстрактные принципы этики он кладет в основу новой “революционной теории”. В своей речи 5 февраля 1794 г. Робеспьер заявил, что подлинной теорией (*la theorie exacte*) революции он считает принципы политической морали²²¹. В последний раз возвращаясь к этому вопросу, он снова повторил ту же мысль: “Французская революция - первая, которая была основана на *теории прав человека* и на принципах справедливости”²²².

В своеобразном этическом аспекте главенства общего над интересами частного развивалась у Робеспьера идея гражданской добродетели. Рационалистическая теория добродетели занимала огромное место в мировоззрении Робеспьера, она вполне соответствовала его общей идеалистической системе взглядов. В духе своего века он постоянно обращается за примером добродетели к античности. Основой добродетели является патриотизм: “Добродетель - ничто иное как любовь к отечеству и его законам”²²³, - определяет он кратко ее смысл. Робеспьер призывает отбросить в сторону все личные интересы и целиком отдаться служению Родине²²⁴. Он говорит, что революция внесла новый (этический по его мнению) смысл в понятие Родины, превратив ее в отечество *граждан*²²⁵.

В обстановке напряженной борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией патриотическая направленность этики Робеспьера и якобинцев помогла поддерживать героический дух отваги и самоотверженности, столь необходимый для победы над врагом. Это обуславливало ее революционное назначение и острый политический смысл.

Якобинцы предъявили ко всем революционное требование активнейшей борьбы в защиту *общего дела*. Не должно было быть пассивных и равнодушных. Всякое проявление инертности и трусости ослабляло энергию революционного порыва и поэтому было враждебно революции. “Я спрашиваю у человека: что ты сделал для процветания твоей страны? Какие работы ты предпринял, чтобы вырвать французский народ из-под отвратительного ярма рабства? Если он мне ответит на это удовлетворительным образом, я сочту его добродетельным”²²⁶, - заявлял Робеспьер. Выступая 10 октября 1793 г. в Коммуне, Шометт говорил, что надо арестовать всех, кто с безразличием принял республиканскую конституцию²²⁷. “Вы должны наказать не только изменников, но даже равнодушных; вы должны наказать тех, кто пассивен по отношению к Республике и кто не делает ничего ради нее”²²⁸, - призывал Сен-Жюст.

Террор получил у якобинцев этическую санкцию. В одной из своих речей, Робеспьер дал следующее этическое определение террора: “Террор - есть эманация добродетели; это - не столько частное начало, сколько следствие общего принципа демократии, примененного к насущнейшим нуждам отечества”²²⁹. Во имя этого общего принципа Сен-Жюст мог провозгласить в Конвенте: “Нет свободы для врагов свободы!”.

Так террор якобинской диктатуры приобрел смысл осознанной необходимости права “общего” на насилие над конкретными представителями “частного” во имя торжества этого общего - революции. Не случайно Робеспьер теоретически обосновывает необходимость террора в своей речи о принципах политической морали, увязывая террор с проблемами этики. Эта этическая целеустремленность якобинского террора позволила Марксу необычайно выразительно назвать его “мечтательным терроризмом”²³⁰. Характеризуя терроризм революции 1789-1794 гг. как плебейский способ расправы с врагами буржуазии, Маркс относил к ним не только феодализм и абсолютизм, но (что обычно, к сожалению, до сих пор игнорировалось в научной и учебной исторической литературе) и мещанство²³¹, то есть узкую, трусливую, эгоистическую мораль обывателя.

В статье “Празднество наций в Лондоне” Энгельс с восхищением писал о решительной расправе якобинской диктатуры с филистерством: “...в нашу буржуазную эпоху трусости, себялюбия и мелочности вполне своевременно напомнить о той великой године, когда целый народ на время отбросил всякую трусость, всякое себялюбие, всякую мелочность, когда были люди, обладавшие мужеством противозаконности, не отступавшие ни перед чем, - люди, железной энергии, которые добились того, что с 31 мая 1793 г. по 26 июля 1794 г. ни один трус, ни один торгаш, ни один спекулянт, словом, ни один буржуа не смел поднять голову”²³².

Решительно борясь с мелочностью и эгоизмом частных интересов, противостоящих общим интересам революции, жестоко расправляясь с филистерством, терроризируя врагов буржуазии и самих буржуа, якобинская диктатура объективно осуществляла задачи буржуазии, буржуазного развития Франции.

В бумагах Робеспьера найдена запись: “Каковы будут наши враги? - люди порочные и богачи”²³³. Он упрекает Дантона в том, что тот “смеялся над словом добродетель” и “стремился объединить вокруг себя богачей и аристократию (*a rallier a soi les riches et l'aristocratie*)”²³⁴.

Возглавляя вместе с Сен-Жюстом Бюро общей полиции, Робеспьер все яростнее выступает против коррупции должностных лиц²³⁵, что становилось особенно нетерпимым в связи с растущей централизацией власти якобинской диктатуры и повышением роли ее административного аппарата. Борясь с коррупцией должностных лиц, торгашами и спекулянтами²³⁶, Робеспьер стремился укрепить государство, которое по существу своему (вопреки фантастическим иллюзиям Робеспьера) было (и не могло еще в ту пору быть чем либо иным) буржуазным государством. Никакими силами террора невозможно было изменить жизненные проявления буржуазного общества, остановить рост новой буржуазии. Как бы предвидя обреченность своих иллюзий, Робеспьер записал в своих личных бумагах: “Когда интерес богачей совпадает с интересами народа? - Никогда”.

Несоответствие мечтательных иллюзий Робеспьера и суровой действительности было особенно ощутимым в вопросах экономической жизни. Он мечтал о всеобщем счастье и справедливости, тогда как на деле торжествовали капиталистическое рабство и эксплуатация.

Социальным идеалом Робеспьера по-прежнему остается эгалитаризм, превращающийся из отвлеченного и пассивного в более радикальный и действенный. Теперь он определяет общий курс социальной политики якобинской диктатуры²³⁷.

В своих общих чертах эгалитарная конструктивная программа якобинцев нашла свое отражение в конституции 1793 г., которая открывалась словами: “Целью общества является общее счастье”. Конституция провозгласила широкие права человека, в том числе и право на существование, на труд и на государственное обеспечение в случае нетрудоспособности. В ст. 21 “Декларации прав” 1793 г. было записано: “Общественная помощь есть священный долг. Общество обязано давать средства к существованию неимущих граждан, доставляя им работу или обеспечивая пропитанием тех, кто не в состоянии работать”. Принятая в сложных условиях гражданской войны, конституция 1793 г. так и не вступила в действие. Однако это отнюдь не дает основания рассматривать ее, как демагогический акт.

Эгалитаристская устремленность конституции 1793 г. так же, как и другие конкретные акты якобинской диктатуры: прогрессивный налог, принудительный заем у богатых, закон о равенстве в наследовании, раздробление земельных участков при продаже национальных имуществ, раздел общинных владений, организация широкой системы национального обеспечения (пенсии инвалидам, сиротами престарелым) и наконец - вантозские декреты - все это было выражением эгалитарной политики якобинцев.

Согласно вантозским декретам имущество “врагов народа” должно было быть конфисковано и передано неимущим²³⁸. Священной и неприкосновенной объявлялась лишь собственность патриотов. Такой двусторонний подход к собственности мы уже наблюдали у Робеспьера в его речах 2 декабря 1792 г. и 21 апреля 1793 г.²³⁹. Но тогда Робеспьер ограничился лишь общей теоретической постановкой проблемы о праве регулирования государством размеров собственности частных лиц, теперь же тут перед нами попытка практического решения этой эгалитарной проблемы революционным путем. Собственность перестала официально считаться естественным, неотъемлемым правом человека, неприкосновенным правом гражданина²⁴⁰. Институт же частной собственности в целом оставался каноном якобинской диктатуры.

Эгалитаризм, в принципе сохраняющий право частной собственности, был проявлением утопических иллюзий мелкой буржуазии. В условиях буржуазной действительности, где действуют экономические законы капитализма, республика мелких собственников неизбежно является лишь утопией. Но эти утопические идеалы якобинцев, как и политика “максимума” и государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, являлись, по существу, углубленным решением буржуазно-демократических задач революции. В.И. Ленин писал, что идея равенства мелких производителей есть “...самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач”²⁴¹. Ф.Энгельс и В.И. Ленин неоднократно подчеркивали, что закономерность развития всякой буржуазно-демократической революции такова, что “...революцию надо довести *значительно дальше* ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить *эти* цели...”²⁴². Однако, чем глубже и решительней якобинская диктатура осуществляла эти цели, тем острее выступали противоречия самой буржуазной революции, противоречия классово-борьбы.

Подлинными вдохновителями и творцами революционной экономической политики якобинской диктатуры были народные массы, толкавшие якобинцев на такие акты, о которых они и не помышляли: после введения “первого максимума” 4 мая 1793 г., в итоге революционного выступления народа 4-5 сентября 1793 г., 29 сентября был принят закон о “всеобщем максимуме”, 5 сентября была создана “революционная армия”. Весь урожай был объявлен под реквизицией (11/IX 1793 г.), в октябре - ноябре была введена карточная система и частная торговля подпала под контроль революционных комитетов (“наблюдательных комитетов”). В категорию “подозрительных” были включены те предприниматели, которые останавливали свое производство, или те, кто “злостно прекращали торговлю”. 27 февраля 1794 г. (9 вантоза) был принят новый строжайший закон против скупщиков.

Уступая требованиям народа, Робеспьер согласился на введение “максимума”, хотя в принципе никогда не был его приверженцем. Не удивительно, что на деле “максимум” повсеместно нарушался при попустительстве правительства²⁴³, а с весны 1794 г. Комитет Общественного Спасения переходит к политике поощрения частной торговли и промышленности путем системы премии и кредитов²⁴⁴.

Теоретически Робеспьер был за эгалитарную республику, основанную на равенстве интересов всех ее граждан, на практике же добивался соблюдения установленного “максимума” заработной платы²⁴⁵, что вызывало ущемление экономических интересов рабочих и растущее недовольство политикой революционного правительства²⁴⁶. В принципе Робеспьер понимал сущность якобинской диктатуры, как диктатуры народа и сознавал необходимость теснейшего единения революционного правительства с пародом. В действительности же, по мере усиления централизации власти, происходил процесс ее бюрократизации и спад активности народных собраний секции. Якобинский террор, объективно отражавший, в целом, интересы класса буржуазии, направлялся не только направо, но и налево, против народных обществ и революционных комитетов секций, выступавших с иных классовых позиций. Ликвидация ряда революционных комитетов²⁴⁷ и народных обществ, роспуск “революционной армии” (находившейся под влиянием эбертистов), прекращение деятельности народных комиссаров по борьбе со спекуляцией - все это возбуждало глухой ропот в секциях²⁴⁸. Все большее сужение социальной базы монтаньяров приводило, по словам В. И. Ленина, к тому, что Конвент размахивался широкими мероприятиями, но не знал даже на какой класс ему надо опираться для их осуществления²⁴⁹.

Запутавшись в сложности собственных противоречий и в противоречиях своей эпохи, Робеспьер и в данном случае обращается к этике, тщетно пытаясь искусственным внедрением добродетели разрешить противоречия классовых сил. Робеспьеру с его идеалистическим подходом к общественным явлениям присуще было то “политическое суеверие”, о котором писал К.Маркс: “Только *политическое суеверие* способно еще воображать... что государство должно скреплять гражданскую жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство”²⁵⁰. Такой попыткой государственными средствами “скрепить гражданскую жизнь” явилось введение Робеспьером культа Верховного Существа.

В мировоззрении Робеспьера культ Верховного Существа был логическим завершением всей его рационалистической системы мышления и его идеалистического мировоззрения. Этот культ неразрывно связан был с культом природы, которая, в свою очередь, трактовалась Робеспьером в духе философии XVIII века абстрактно-универсально. “Истинный священнослужитель Верховного Существа, - сказал Робеспьер, - природа, его храм - вселенная, а культ - добродетель”²⁵¹. Природа выступает в представлении Робеспьера, как носитель высшего морального закона. Порча нравов связана, по его мнению, с отходом от моральных велений природы. Характерно, что вся программа празднества 20 прериаля (8 июня 1794 г.) в честь Верховного Существа, вся его художественная декоративность продуманы были так, чтобы как можно торжественней восхвалять природу: звуки труб и барабанов, гром пушек возвещали восход солнца; море цветов, колосья и фрукты в колоннах депутатов Конвента - символизировали ее плодородие и цветущее богатство²⁵².

Как культу природы, так и религии Верховного Существа. Робеспьер отводил роль важнейшего морального института²⁵³ в преобразовании общества. Идеиное назначение культа Верховного Существа состояло в насаждении добродетели, посредством которой Робеспьер рассчитывал объединить все частные интересы в общий интерес, что было тогда явной утопией.

По словам Роже Гароди, Робеспьер искал себе опору на небе, не найдя ее в реальных отношениях классовых сил на земле²⁵⁴. Робеспьер не случайно добивался торжественного провозглашения Верховного Существа вскоре после того, как разгром эбертистов и даитонистов внес разброд и смятение в ряды патриотов²⁵⁵. Культ Верховного Существа должен был, по мысли Робеспьера, объединить их на основе общей религиозной доктрины.

Однако и официальное введение культа Верховного Существа не дало и не могло дать ожидаемых результатов в виде единения Конвента с народом²⁵⁶. Робеспьеру пришлось еще раз испытать и в этом крах своих иллюзий. Спустя некоторое время, в речи в Якобинском клубе он скорбно признал: “повсюду посеяли семена раздора” (*on a seme partout leg germes de division*)²⁵⁷. Таким образом, как ни значительна была эволюция политических и социальных идей Робеспьера, достигших в 1793-1794 гг. наибольшей степени своей революционной зрелости, он был не в состоянии вырваться из пут идеалистической философии с ее наивными иллюзиями и абстрактными принципами.

Постепенно Робеспьер и Сен-Жюст начинают все отчетливее сознавать бесплодность своих мечтаний. В речи 9 термидора Сен-Жюст говорил - “я вижу мрачное предзнаменование: все идет вверх ногами на моих глазах”²⁵⁹. В его личных бумагах, относящихся, по всей вероятности, к последним месяцам его жизни, записано: “Революция оледенела, все ее принципы ослабели, остались лишь красные колпаки на главе интриг”²⁶⁰. Он правильно ощутил (хотя и не смог осознать подлинные социальные и классовые причины этого), что слишком далек еще тот мир всеобщего благоденствия, о котором он мечтал вместе с Робеспьером. Подводя итог достигнутому, он писал: “Без сомнения, не пришла еще пора делать благо; частное благо, которое уже осуществлено - это паллиатив”²⁶¹. Это его глубокое разочарование разделял и Робеспьер: “мой разум - не мое сердце, готов усомниться в этой добродетельной республике, план которой я себе начертал”, - признается он в своей предсмертной речи 8 термидора.

Если раньше мысли о смерти звучали у Сен-Жюста и Робеспьера жизнеутверждающе (Сен-Жюст говорил, что “предпочитает быть мертвым героем, чем живым трусом”²⁶²), то теперь в них чувствуется глубокий пессимизм. В порыве отчаяния, не видя больше смысла в борьбе, Робеспьер восклицает, что готов расстаться с жизнью: “О, я покину ее без сожаления, какой друг отечества захочет пережить момент, когда не дозволено больше служить родине и защищать угнетенную невинность, зачем оставаться там, где ложь и интриги постоянно торжествуют над истиной, где самые грязные страсти... занимают в сердцах людей место священных интересов человечества”²⁶³. В настроении Сен-Жюста также все чаще появляются трагические призывы смерти: “Я молю о смерти, как о милости providения, чтобы более не быть свидетелем безнаказанности преступлений, замышляемых против Родины и человечества”²⁶⁴.

Разуверившись в главном, в возможности осуществления своих идеалов, вожди якобинской диктатуры пассивно принимают собственную смерть. Отсюда - их нерешительность и инертность в роковой день контрреволюционного переворота 9 термидора. Робеспьер медлил с воззванием к народу и армии Нам кажется, что причины такого поведения Робеспьера не в “приверженности его к легальности”²⁶⁵, и не в его политических просчетах, как полагал Матьез, а в сомнении в торжестве своего дела.

Гибель Робеспьера означала вместе с тем и гибель иллюзий буржуазной революции. Уже после 9 термидора, оценивая более спокойно пережитый этап “революционного опьянения”, якобинец Левассер писал в своих мемуарах: “Мы мечтали о волшебном мире, мы вновь пали в мир реальный и тогда те, которые разделяли наше опьянение, покинули нас”²⁶⁶.

Глубочайшая коллизия мечты и действительности, пережитая Робеспьером, была отражением исторической драмы буржуазно-демократической революции XVIII в. Вместо осуществления возвышенных гуманистических идеалов буржуазная революция со всей объективной неизбежностью установила господство “голого интереса и чистогана” (К.Маркс). Практика буржуазной революции, по словам Ф.Энгельса, показала, что “...царство разума было не больше, как идеализированное царство буржуазии, что вечная справедливость, которая тогда была прокламирована, нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что разумное государство, Contrat social Руссо, воплотилось в буржуазно-демократическую республику и ни во что другое воплотиться не могло”²⁶⁷.

Примечания

- 1 Этот взгляд в значительной степени был навеян А.Матьезом (см. *A.Mathiez, La politique sociale de Robespierre. “Annales revolutionnaires”, 1913, t.VI, p.p.550-558*).
- 2 О своем посещении Руссо Робеспьер рассказывает в “Посвящении Жану-Жаку Руссо” (опубликовано в *Oeuvres completes de M.Robespierre ... par E.Lesueur, P., 1912, Robespierre a Arras, Premiere partie, fascicule 3, p.p.211-212*).
- 3 *А.М.Деборин, Социально-политические учения нового времени, т.1, М., 1958, стр.533; А.Манфред, Максимилиан Робеспьер, М., 1958, стр.7, 11, 19.*
- 4 *E.Hame1. Histoire de Robespierre, t.II, p.557.*
- 5 Многие исследователи считают, что идеи Робеспьера совершенно не оригинальны и целиком заимствованы у Руссо. Другие ищут их расхождения в конкретных вопросах (например, в религиозном противопоставляют индивидуализму Руссо “национализм” Робеспьера - см. *A.Mathiez, Robespierre et le culte de l'Être Supreme (Annales revollitionnaires, 1910. p.226)*).
- 6 *Bouloiseau. M. Robespierre. P., 1957, p.113.*
- 7 *J.Massin, Robespierre, P., 1956.*
- 8 *Jean Bruhat. M.Robespierre und die Kolonialprobleme (Maximilien Robespierre, 1758-1794, Beitrage zu Seinem 200 Geburtstag, Berlin. 1958, S.118).*
- 9 *А.М.Деборин, Социально-политические учения нового времени, т.1, М., 1958, стр.550.*
- 10 Одна из таких петиций, например, начиналась словами: “Национальный конвент поставил в порядок дня честность и добродетельность”. (*Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichfe der Volksbewegung 1793-1794, Herausgegeben von. W. Markov und A. Soboul. Berlin, 1957, S.362.*)
- 11 *Loius Madelin. Le regne de la vertu. La dictature de Robesierre, “Revue des deux raondes”, 1911, т.1, 15 fevrier, p.p.867-894.*
- 12 *А.З.Манфред, Жан-Поль Марат и его произведения, Марат, Избр. произв. т.1, М., стр.43; А.З.Манфред. Максимилиан Робеспьер, М., 1958, стр.38. См. также А.Ф.Шишкин. Из истории этических: учений, гл.IV, Этика Гельвеция, М., 1959, стр.130-179.*
- 13 *К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.1, стр.441.*
- 14 *Гельвеций. Об уме. М., 1938, стр.94.*
- 15 *Цит. по К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.2, стр.148.*
- 16 *J. J.Rousseau. Du Central social, P., 1882, p.59.*
- 17 *К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.1, стр.604-605.*
- 18 *К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.1, стр.605.*
- 19 *К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.8, стр.120.*
- 20 *К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.2, стр.136.*
- 21 *В.И.Леннн. К оценке русской революции. Соч., т.15, стр.36.*
- 22 *К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.1, стр.402.*
- 23 *M.Bouloiseau, op.cit., p.31.*
- 24 *A.Mathiez, Etudes robespierristes. La corruption parlementaire sous la terreur, P., 1927, p.305.*
- 25 *Oeuvres completes de M. Robespierre... par V. Barbier et Ch. Vellay, t.I. P., 1910. Introduction de Ch.Vellay, p.XLI-XLII.*
- 26 *G.Lefebvre, Etudes sur la revolution franchise, P.,1954, p.96.*
- 27 *Gerard Walter, Robespierre, P., 1946.*
- 28 *A.Mathiez, Annales revolutionnaires, 1913, t.VI, p.551; Там же, 1910, t.IV, pp.484-492, 513. Об ошибочности подобной оценки взглядов Робеспьера см. А.З.Манфред, “Споры о Робеспьере” (Вопросы истории”, 1958, № 7, стр.68, 81).*
- 29 *Arne Ordning, Le bureau de police du Comite de Salut public (Etude sur la terreur) Oslo. 1930, pp.87, 89, 109, 138, 158, 188.*
- 30 *A.Mathiez. Robespierre terroriste. P., 1921, p.7.*
- 31 *L.J.Lizerant, Robespierre, P. 1937, p.30.*
- 32 *Oeuvres completes de M.Robespierre ... par E.Lesueur, t.I, P., 1912; pp.241-242. По поводу этого стихотворения см. Jean Bernard. Quelques poesies de M.Robespierre “La revolution francaise”, t.IX, 1885, p.396: любопытно, что в Poesies Rosatiques (p.225-246) Робеспьер еще далек от аскетизма революционной поры. В этих стихах он воспеваает вино, любовь и радость жизни.*

- 32 Oeuvres complètes de M.Robespierre ... par E.Lesueur, t.I, P., 1912; pp.241-242. По поводу этого стихотворения см. Jean Bernard. Quelques poesies de M.Robespierre "La revolution francaise", t.IX, 1885, p.396: любопытно, что в Poesies Rosatiques (p.225-246) Робеспьер еще далек от аскетизма революционной поры. В этих стихах он воспеваает вино, любовь и радость жизни.
- 33 Oeuvres compl. de M.Robespierre... par E.Lesueur, t.I, pp.244-246.
- 34 Oeuvres compl. de M.Robespierre... par V.Barbier et Ch.Vellay, t.I, p.672.
- 35 Oeuvres complètes de M.Robespierre, ... par E.Lesueur, t.11, P. 1913, pp.136-170. Успешное выступление молодого адвоката было отмечено газетой "Mercure de France". L.Jacob. Robespierre vu par ses contemporains, P. 1938, p.22-23.
- 36 Oeuvres complètes de M.Robespierre... par E.Lesueur, t.II, pp.234-273.
- 37 Oeuvres complètes de M.Robespierre... par E.Deprez, P., 1910, pp.20-47.
- Эта работа Робеспьера была удостоена похвального листа - см. L.Jacob, op.cit., p.p.25-27.
- 38 Oeuvres complètes de M.Robespierre... par V.Barbier et Ch.Vellay, P., 1910, p.p.200-265.
- 39 Ibidem, p.p.274-353.
- 40 Ibidem, p.p.677-678.
- 41 Эдикты Ламуаньона и Ломени де Бриена, представленные Людовиком XVI в Парламент 8 мая 1788 г., позволяли королю вводить новые налоги, не дожидаясь созыва Генеральных Штатов, при одной лишь регистрации их парламентами. О своей борьбе против этих эдиктов Робеспьер вспоминал в речи в Якобинском клубе 24.IV.1792 г. (*Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la revolution francaise* T.XIV, p.151).
- 42 А.З.Манфред, Максимилиан Робеспьер, стр.10-11.
- 43 Oeuvres complètes de M.Robespierre ... par E.Deprez, p.42.
- 44 Oeuvres complètes de M.Robespierre... par V.Barbier et Ch.Vellay, т.1, p.661. Значительно позже, в 1791 г. он подчеркивал в своих выступлениях, что революция была неожиданной (см. *M.Robespierre. Textes choisies*, P., 1956, T.I, p.73).
- 45 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.1, стр.403.
- 46 По поводу издания этой работы Робеспьера - см. примечания издателей в Oeuvres complètes de M.Robespierre ... par V.Barbier et Ch.Vellay, P. 1910, t.I, p.577.
- 47 Ibidem, p.670.
- 48 Ibidem, p.669.
- 49 См. Oeuvres compl. de M.Robespierre ... par E.Deprez, t.I, p.37; Oeuvres compl. de M.Robespierre... par V.Barbier et Ch.Vellay. T.I, p.314. В последнем случае он говорит уже не о "ста виновных", а о "двадцати".
- 50 Oeuvres compl. de M.Robespierre ... par V.Barbier et Ch.Vellay. t.1, p.p.675-676.
- 51 Ibidem, p.662.
- 52 Ibidem, p.667.
- 53 *M.Robespierre, Oeuvres complètes*, Edition preparee sous la direction de M.Bouloiseau, G.Lefebvre, A.Soboul. t.VI, Paris, 1950. p.20-21,
- 54 Ibidem, p.13. По отзывам современников, эта речь Робеспьера произвела сильное впечатление на его слушателей. (См. L.Jacob, op.cit., p.p.34-35).
- 55 Позднее в речи в Якобинском клубе (28.IV-1792 г.) Робеспьер, говоря о своей активной политической борьбе накануне революции, с удовлетворением вспоминал об этом своем выступлении в Аррасе. (См. *Buchez et Roux, op.cit.*, t.XIV, p.151; *M.Robespierre, Oeuvres*. 1950. t.VI, p.19; *Jacob, op.cit.*, p.36).
- 56 *M.Robespierre, Oeuvres*, 1950, t.VI, p.13.
- 57 Oeuvres complètes de M.Robespierre, premiere partie ... par Deprez, P., 1910, p. 37.
- 58 Oeuvres compl. de M.Robespierre ... par E.Lesueur, т.I, p.177.
- 59 Oeuvres compl. de M.Robespierre ... par V.Barbier et Ch.Vellay, т.I, p.675.
- 60 Oeuvres compl. de M.Robespierre ... par E.Lesueur, т.I, p.177.
- 61 Bouloiseau, op.cit., p.p.18, 22.
- 62 *M.Robespierre, Oeuvres*, 1950, t.VI p.58
- 63 Ibidem, p.p.659-660.
- 64 *M.Robespierre. Oeuvres complètes*, t.VI, p.336.
- 65 Весьма характерно, что в бумагах Бабефа сохранилась запись этой речи Робеспьера, а также еще его речи от 27/IV-1791 г. - об этом см. интересную статью В.М.Далина "Робеспьер и Бабеф" ("Новая и новейшая история", 1958, № 6, стр.89).
- 66 Показательно однако, что, борясь против цензового избирательного права, Робеспьер сохраняет сначала условие "некоторой уплаты налога" - *M.Robespierre, Oeuvres*, t.VI. p.p.200-213.
- 67 Ibidem, t.VI, p.p.385-404.
- 68 Ibidem, t.VI, p.p.271-280.
- 69 Ibidem, t.VI, p.p.218-226.
- 70 Discours et rapports de Robespierre ... par Ch.Vellay, P., 1908, p.p.163-64.
- 71 *M.Robespierre, Oeuvres*, t.VI, p.625.
- 72 *M.Robespierre, Textes choisies*, t.1, p.III.
- 73 "L'Ami du Peuple", № 35.
- 74 "L'Ami du Peuple", № 263.
- 75 "L'Arai du Peuple", № 648.
- 76 Об этой встрече с Маратом Робеспьер рассказывал в своей речи в Конвенте 5/XI-1792 г. Булазо сообщает интересный факт (Bouloiseau, op. cit., p. 24): в январе 1792 г. Марат предлагал Робеспьеру совместно издавать "Друг народа", но тот не согласился на это.

77 Ж.Массен пишет, что “Робеспьер - возможно единственный в Конституанте, кто принимал всерьез Декларацию Прав”. Он отмечает, что Робеспьер искренне верил в нее и искренне считал ее принципы делом всей своей жизни. *Massin. Pour saluer M.Robespierre* (“L'Humanite” 7-V 1958. p.8).

78 *Discours et rapports de Robespierre*, p.171.

79 *Cobban*, The political Ideas of M.Robespierre. “The English historical Review”, 1946, vol.XI, № 239, p.p.45-80.

80 *M.Robespierre*, Oeuvres, VI. p.p.38-39, 93.

81 *J.Massin*. Robespierre, P., 1956, p.p.29-31.

82 *M.Robespierre*. Oeuvres, t.VI, p.p.39-43.

83 *Ibidem*, p.p.228-231, 240.

84 *Ibidem*, p.p.122-23

85 *M.Robespierre*, Oeuvres, т.VI, p.p.122-123.

86 *Ibidem*, p.625

87 *Ibidem*, p.624

88 *Ibidem*, VII, 138,

89 *E.Hamel*, *op.cit.* t.I. p.392-393.

90 *M.Robespierre*, Oeuvres, t.VI, p.p.48-50,

91 *Ibidem*, p.p.44-45.

92 *Ibidem*, p.46.

93 Булазо отмечает, что выступление Робеспьера по колониальному вопросу касалось политических, правовых вопросов, но не освобождения колоний вообще (*Bouloiseau*, *op.cit.*, p.51) Такая позиция Робеспьера вполне соответствовала отношению к колониальной проблеме виднейших представителей буржуазной просветительной философии XVIII в. - энциклопедистов, Монтескье, Вольтера.

См. *R.Boutruche*. Quelques aspects sur l'opinion anticolonial en France depuis le XVIII siecle (“Revue Africaine”, 1933, t.74, p.p.377-391),

94 *M.Robespierre*, Oeuvres compl., VII, p.p.361-366.

95 *Ibidem*, t.VI, p.p.443-450.

96 *J.Massin*, Pour saluer Maximilian Robespierre, (“L'Humanite” 7/IV, 1958, p.8).

97 Оппозицию Робеспьера декрету Конвента от 4 февраля 1794 г. об уничтожении рабства в колониях отмечает и R. Boutruche (*op. cit.* p. 383). В своих заметках против дантоинстов Робеспьер упрекает Дантона и Лакруа в том, что они “провели декрет, результатом которого была потеря наших колоний”: Les notes de Robespierre contre les danlonistes (*A.Mathiez*, Robespierre terroriste, P., 1921, p.107).

98 Маркс писал по этому поводу: “Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда “конституционность” в духе Собрания 1789 г. считалось преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания *protive* рабочих продолжали сохранять, свою силу” (К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.XXIII, стр.234).

Массен (*Massin*, Robespierre, 1956, p.60) пытается объяснить молчание Робеспьера при обсуждении законопроекта Ле Шапелье тем, что в ту пору социальный вопрос его мало интересовал. Такого же мнения придерживается и Жерар Вальтер (см. *Gerard Walter*, *op.cit.*, p.114-115). Нам представляется такое объяснение не совсем убедительным.

99 *A.Mathiez*, Robespierre et la culte de l'Être Supreme (*Annales revolutionnaires*, 1910, p.221).

100 *M.Robespierre*, Oeuvres completes, t.IV, p.p.109-119.

101 *Ibidem*, p.110.

102 *M.Robespierre*, Textes choisies, t.I, p.p.73-141.

103 *M.Robespierre*, Oeuvres, t.VI, p.399.

104 *M.Robespierre*, Oeuvres completes, t.IV, p.115.

105 *M.Robespierre*, Oeuvres, t.VII, p.268.

106 Крайне слабый интерес Робеспьера к социально-экономическим вопросам отмечают в своих работах: Массен (ук.соч., стр.81, 92), Булазо (ук.соч., стр.69), *A.Soboul*, Pour le deux-centieme anniversaire de la naissance M.Robespierre, “Cahiers du communisme” 1958, № 5, p.813).

107 *M.Robespierre*, Oeuvres, t.VII, p.p.181-182.

108 *M.Robespierre*, Textes choisies, publies par *J.P.Paperen*, t.I, P., 1956, P.72.

109 *M.Robespierre*, Textes choisies, ptibles par *I.P.Paperen*. т.I. P., 1956, p.721, 73.

110 *M.Robespierre*, Oeuvres completes, t.IV, p.110.

111 В речи от 11/IX 1789 г. в Учредительном Собрании (см. *M.Robespierre*. Oeuvres, t.VI, p.76).

112 *Ibidem*, t.VI, p.p.110-113. Вместо старой формулы он высказался за новую формулу “Людовик, король французов”.

113 *Ibidem*, t.VI, p.p.356-362. См. речи 15-18 мая 1790 г. В этих речах Робеспьер, также развивал внешнеполитическую программу мира.

114 *Discours et rapports de Robespierre ... par Ch.Vellay*, p.p.79-86.

115 *Ibidem*, p.72.

116 См. *В.С.Алексеев-Попов*, “Социальным кружок” и демократическое республиканское движение 1791 г. (сб. статей в память акад. Е.В.Тарле “Из истории общественных движений и международных отношений”, М., 1957, стр.192-208), а также *В.С.Алексеев-Попов*, “Социальный кружок” и его политические и социальные требования (сб.ст. “Из истории социально-политических идей” - в честь 75-летия акад В.П.Волгина, - М., 1955, стр.310).

117 *Discours et rapports de Robespierre ...* p.p.84-85, 180-181.

118 *E.Hamel*, *op.cit.* P., 1865, t.II, p.173.

119 *M.Robespierre*, Oeuvres, t.VII, p.552.

120 *M.Robespierre*, Oeuvres compl., IV, p.p.5-15.

- 121 Так, например, Ж.Лефевр считает бесспорным, что Робеспьер стал республиканцем только в 1792 г. (*G.Lefebvre, Etudes sur la revolution francaise*, P., 1954, p.96). Ж.Массен пишет, что на протяжении долгого времени Робеспьер оставался сторонником демократической монархии (*J.Massin, Robespierre*, p.40).
- 122 *К.Маркс и Ф.Энгельс*, Избранные письма, М., 1947, стр.463.
- 123 "Историк-марксист", 1939. кн.III, стр.35.
- 124 *M.Robespierre. Textes choisies*, t.I. p.160.
- 125 Социальный и демократический смысл республиканской идеи в понимании Робеспьера подчеркивает и Лефевр: "Он является апостолом Республики такой, как мы ее понимаем; которая не есть только форма правления, но и режим, целью которого является реализовать равенство и который не имел бы смысла если бы не был демократическим и социальным" *G.Lefebvre, op.cit.*, p.96).
- 126 *M. Robespierre, Textes choisies*, t.I. p.161, 286
- 127 *Buchez et Roux, op.cit.*, t.XIX, p.169.
- 128 *E.Mellie, Les sections de Paris pendant la Revolution franchise*, P., 1898, p.p.104-109: *Ph.Sagnac. La revolution du 10 Aout 1792. La chute de la royaute*. P., 1909, p.p.68-69.
- 129 См. *Н.Кареев*, Парижские секции времен французской революции (1790-1795 гг.) СПб., 1911, стр.33-34; *Ph.Sagnac, op.cit.*, p.p.57- 64, 71, 81; *F.Braesch, La commune du dix aout 1792*. P., 1911, p.p.117-123, 166-169.
- 130 См. перечень постановлений и адресов секции за время с 14 июля по 10 августа 1792, составленный Брешем (*Braesch, op.cit.*, p.p.148-153)
- 131 *Braesch, op.cit.*, p.143.
- 132 Ibidem, p.102-103: *A.Aulard. La Societe des Jacobins*, t.IV, p.p.91-95.
- 133 См. *A.Aulard, op.cit.*, t.IV, p.109. Публикация этого адреса, в котором федераты настойчиво призывались не повиноваться властям и оставаться в Париже, повлекла за собой то, что министр юстиции предъявил общественному обвинителю обвинение против Робеспьера. *A.Aulard, op.cit.*, t.IV, p.109
- 134 *Braesch, op.cit.*, p.p.118, 141.
- 135 *M.Robespierre, Textes choisies*, t.I, p.190.
- 136 *M.Robespierre, Oeuvres compl.*, t.IV, p.p.350-360,
- 137 *Buchez et Roux, op.cit.*, t. XVII, p.p.30-31.
- 138 *J.Massin, Robespierre*, p.127.
- 139 *Braesch, op.cit.*, p.p.399-400, 419, 1074.
- 140 *Bouloiseau, op.cit.*, p.23.
- 141 *Buchez et Roux, op.cit.*, t. XVII, p.p.76,79,114; *F.Braesch, op.cit.*, p.p.397, 411, 420-421.
- 142 *F.Braesch, op.cit.*, p.417. Адрес составлен Робеспьером совместно с Билло-Варенном.
- 143 *M.Robespierre, Oeuvres*, t.VIII, p.p.447-457; *Braesch, op.cit.*, p.p.448-458.
- 144 *Papiers inedites trouves chez Robespierre, St-Just, Payran etc ... sup-primées on omis par Courtois*, t.II, p. 71, № XLIX.
- 145 Текст афиши воспроизведен в книге Бреша (см. *Braesch, 401-102*).
- 146 Свое возмущение этой афишей Робеспьер высказал в написанном им обращении к секциям 1/IX и в своей речи 5/XI 1792 г. и Конвенте.
- 147 *Braesch, op.cit.*, p.p.1042-1043.
- 148 *Buchez et Roux, op.cit.*, t.XVI, p.230.
- 149 *M.Robespierre, Oeuvres*, t.VIII, p.443-444.
- 150 *M.Robespierre, Oeuvres compl.*, t.IV, № II, pp.326-328.
- 151 *К.Маркс и Ф.Энгельс*, Соч., т.XVI, ч.I, стр.290-297.
- 152 *Braesch, op.cit.*, p.449.
- 153 Ibidem, p.453.
- 154 *Старосельский (Проблема якобинской диктатуры*, М., 1930, стр.9, 14, 41, 43, 68, 70) считал, что Робеспьер пришел к осмыслению диктатуры народа лишь в условиях якобинской диктатуры, особенно к песне 1794 г., когда якобинцы приступили к осуществлению своей позитивной социальной программы эгалитаризма. Нам представляется, что формирование этих взглядов началось у Робеспьера раньше, а именно, со времени революционного восстания 10 августа 1792 г.
- 155 *M.Robespierre. Oeuvres*, t.VIII, p.449.
- 156 Ibidem.
- 157 *Braesch, op.cit.*, p.p.398-399, 417, 419-426, 401.
- 158 *Buchez et Roux, op.cit.*, t.XIX, p.170.
- 159 Ibidem, t. XIX, p.p.256-257, 259.
- 160 *Braesch, op.cit.*, p.p.334, 350-362.
- 161 Робеспьер был первым в списке членов чрезвычайного трибунала, избранных секциями. Он отказался, как известно, от предложенной ему должности председателя трибунала, мотивируя это тем, что не считает возможным оставлять свою деятельность в Генеральном Совете Коммуны (см. *Braesch, p.399*).
- 162 *Buchez et Roux, op.cit.*, t.XVII, p.p.79-80
- 163 Ibidem, p.90.
- 164 *M.Robespierre Oeuvres*, P., 1954, t.VIII, p.460. Еще ранее декретом от 18 августа революционная Коммуна осуществила подобную меру, составив список политически неблагонадежных лиц, которых нельзя допускать к занятию, общественных должностей (*Braesch, op.cit.*, 352).
- 165 Немного позже, 19/IV-1793 г. в своей речи в Конвенте Робеспьер давал уже обоснование нарушения свободы печати: успех революции может требовать подавления заговора, замышляемого посредством свободы печати (*Moniteur*, XVI, 183).

166 Массен совершенно справедливо не считает нужным очищать Робеспьера от ответственности за сентябрьские дни, хотя он непосредственно в них и не участвовал (*Massin, Robespierre*, p.134-5). Революционная расправа с врагами народа согласовалась с революционными идеями Марата и Робеспьера того времени.

167 *M.Robespierre, Textes choisies*, P., 1957, t.II, p.p.51-59.

168 Непонимание Робеспьером сущности социальных проблем того времени отмечает в своей работе и В.Марков.

(См. *W.Markov. Robespieristen und Jacquesroutins. M.Robespierre 1758-1794. Beitrage zu seinem 200 Geburlstag. Berlin, 1958, S.105*).

169 *К.Маркс и Ф.Энгельс*, Соч., т.XVI, ч.I, стр.296-297.

170 *Braesch*, op.cit., p.833. Документ этот был представлен комиссарами секций в комитет Конвента по агрикультуре 21/X1 1792 г.

171 *Braesch*, op.cit., p.p.852-858.

172 Цитируем по *Braesch*, op.cit., p.p.862-863.

173 Текст этого постановления Коммуны см. *Braesch*, op.cit., p.562-563

174 *M.Robespierre, Oeuvres compl.*, t.IV, p.117.

175 *Ibidem*.

176 „*Journal de la Republique francaise*”, № 139, 3/III 1793.

177 О таком широко распространенном тогда понимании “аграрного закона” писал и немецкий демократ Г. Фостер в своих “Парижских очерках” и в письмах из Парижа (см. “Немецкие демократы XVIII в.” под ред. В.М.Жирмунского, М., 1956, стр.371-372, 459-460).

178 *M.Robespierre, Oeuvres compl.*, t.VI, p.117.

179 *M.Robespierre, Oeuvres compl.*, t.IV, p.p.199-135.

Матьез чрезвычайно высоко оценивает сам факт опубликования именно Робеспьером петиции Доливье и склонен уже за одно это считать Робеспьера социалистом (см. *A.Mathiez. Babeuf et Robespierre, „Annales revolutionnaires”, 1913, t.VI, p.371*).

180 *M.Robespierre, Textes choisies*, t.II, P., 1957, p.p.82-90.

181 *Ibidem*, t.II, p.p.132-140, 181. Ж.Массен явно ошибочно считает этот документ „политической хартией социалистов начала XIX в.”.

182 *Ibidem*, t.II, p.p.84-85, 88, 90.

183 *Ibidem*, p.135.

184 Известно, что Бабеф давал особенно высокую оценку этой статье робеспьеровского проекта Декларации и называл ее своим манифестом. См. В.М.Далин, ук. работа, стр.91-92.

185 Нам представляется, что Массен переоценивает роль Робеспьера в подготовке восстания 10 августа 1792 г. Он отмечает его связь с руководителями восстания и секретной директорией федератов, заседавшей в доме Дюпле, и .полагает, что Робеспьер идейно ее направлял (*Massin*, op.cit., p.p.107, 118.) .Однако сам же автор затем пишет, что “темперамент” помешал Робеспьеру принять непосредственное участие в событиях 10 августа (стр.120, 122-123). Булазо считает, что роль Робеспьера в подготовке восстания 10 августа ничтожна (*Bouloiseau*, op.cit., p.63).

186 *Saint-Just. Oeuvres completes ... par Ch.Vellay*, t.II, P., 1908, p.311.

187 *К.Маркс и Ф.Энгельс*, Соч., т.2, стр.589.

188 *Discours et rapports de Robespierre ...* p.311.

189 *Saint-Just, Oeuvres completes*, t.II, p.274.

190 *А.З.Манфред*, Максимилиан Робеспьер, стр.33-34, 37-38.

191 *M.Robespierre, Textes choisies*, t.II, P., 1957, p.140.

192 *Saint-Just, Oeuvres completes*, t.II, p.375.

193 *Papiers inedits, trouvees chez Robespierre ... par Courtois*, p.X.

194 Как указывает В.М.Далин в своей работе “Робеспьер и Бабеф” (“Новая и новейшая история”, 1958, № 6, стр.93), именно эту запись Робеспьера К.Маркс внес в свой конспект в 1843 г.

195 *Saint-Just, Oeuvres compl.*, t.II, p.83.

196 *W.Markov und A.Soboul, Die Sansculotten von Paris*, S.82.

197 *Ibidem*, S.S.84-90.

198 *Ibidem*, S.124.

199 *A.Schmidt. Tableaux de la Revolution francaise publies sur les papiers inedits du departements et de la police secrete de Paris. Leipzig*, t.II, 1869, p.116.

200 См. об этом работу С.Л.Сытина “Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле-сентябре 1793 г.”. (Ученые записки Ульяновского гос. пед. института им. И.Н.Ульянова, вып. VIII, 1956. стр.253-327) и *Р.М.Тонковой-Яковкиной*, Движение народных масс Парижа 4-5 сентября 1793 г. (“Плебейский натиск”), Сб. “Из истории Общественных движений и международных отношений”, в память акад. Е.В.Тарле, М, 1957, стр.209-224.

201 *Старосельский*, ук.соч., стр.242.

202 *H.Calvet, Une interpretation nouvelle de la loi de Prairial (Annales historiques de la Revolution francaise, 1950, № 120, oct. - dec., p.p.317 - 318)*.

В отличие от Матьеза и Лефевра, осуждавших прериальский закон и видевших в нем даже отступление от социальной политики Робеспьера, Кальве рассматривает этот террористический акт, как закономерное проявление политики революционной централизации власти якобинской диктатуры и устанавливает прямую связь между ним и вантозскими декретами.

203 *A.Aulard, Societe des Jacobins*, t.V, p.341.

204 *Ibidem*, p.377.

- 205 Le carnet de Robespierre (A. Mathiez, Robespierre terroriste. P., 1921, p.p.63, 65, 67, 69, 70, 76. По мнению Матьеза, опубликовавшего записную книжку Робеспьера, она охватывает период с сентября по декабрь 1793 г.).
- 206 Recueil des actes du Comite de Saint publique, t.XIII, p.410.
- 207 Gazette Nationale ou le Moniteur Universel, № 264, 24 prairial, 1794, p.1073-1074.
- 208 Discours et rapports de Robespierre..., p.p.312-313.
- 209 Gazette National ou le Moniteur Universe.
- 210 Saint-Just, Oeuvres completes, t.II, p.371.
- 211 Discours et rapports de Robespierre ..., p.400.
- 212 Булуазо насчитывает 300 выступлений Робеспьера в Конвенте (см. Bouloiseau, op.cit., p.19).
- 213 Discours et rapports de Robespierre, p.p.312-313.
- 214 Ibidem.
- 215 Ibidem
- 216 Это совершенно правильно отмечено в работе Старосельского. Однако нам представляется весьма спорным его утверждение (ук.соч., стр.70) о том, что до весны 1794 г. никто из якобинцев якобы не понимал революцию как длительный процесс.
- 217 Saint-Just, Oeuvres completes, t.I, p.398.
- 218 Ibidem, t.II, p.238.
- 219 См. A.Ording, op.cit., p.274.
- 220 Discours et rapports de Robespierre, p.312-313.
- 221 Ibidem, p.p.324-347.
- 222 Ibidem, p.381.
- 223 Ibidem, p.329.
- 224 Ibidem.
- 225 Ibidem, p.328.
- 226 A.Aulard. La Societe des Jacobins, t.VI, p.211.
- 227 Moniteur (Reimpression), t.XVIII, p.90.
- 228 Saint-Just. Oeuvres compl., t.II, p.76.
- 229 Discours et rapports de Robespierre, p.332.
- 230 См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.2, стр.137. -
- 231 См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.6, стр.114.
- 232 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.2, стр.589.
- 233 Papiers inedites trouves chez Robespierre, St.-Just etc., t.II, P., 1828, p.13.
- 234 Les notes de Robespierre, contre les dantonistes (A.Mathiez, Robespierre terroriste, p.90-98).
- 235 Le carnet de Robespierre (A.Mathiez.Robespierre terroriste, p.68).
- 236 A.Ording, op. cit., p.p.11, 12, 14, 15, 40, 41, 82.
- 237 См. А.М.Деборин, ук.соч., стр.540.
- 238 Все большее число историков французской революции XVIII в. давно уже не разделяют взглядов авторов, считавших вантозские декреты демагогией, а видят в них проявление конструктивной политики якобинцев. - Е.С. См. об этом ниже, в статье Н.И.Чупруна. - Ред.
- 239 Прямую связь между предложенными Робеспьером пунктами о собственности "Декларации Прав" 1793 г. (24/IV-1793 г.) и вантозскими декретами отмечает Лефевр.
- 240 См. А.М.Деборин, ук.соч., стр.537.
- 241 В.И.Ленин, Сила и слабость русской революции, Соч., т.12, стр.316.
- 242 В.И.Ленин. К оценке русской революции, Соч., т.15, стр.44.
- 243 Наглядный пример: дело крупного торговца Комба (Combes) (см. Ording, op. cit., p.74) арестованного "наблюдательным комитетом" и освобожденного Комитетом Общественного спасения. Многочисленные факты невыполнения максимума см. в книге: P.Caron, Paris pendant la terreur, Rapports des agents secrets du ministre de l'interieure, t. II, P., 1914, p.p.109-110, 154, 161.
- 244 Ординг называет это новой экономической политикой якобинской диктатуры (см. A.Ording, op. cit., p.p.12, 74, 181).
- 245 См. его заметки на донесениях агентов Бюро общей полиции - A.Ording, op. cit., p.p.76-80, 141.
- 246 M.Marion, Les lois de maximum et la taxation des salaires sous la revolution ("Revue Internationale de Sociologie", 1917, № 9-10, p.p.486- 487, 493, 497).
- В своей статье "Парижские рабочие во французской революции" Ж.Рюде отмечает, что введение максимума заработной платы вызвало растущий конфликт между рабочими и якобинским правительством. Этот конфликт, по его мнению, стал особенно острым с начала 1794 г.: Georges Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise („La Pensee", 1953, № 48-49, p.123). См. также A.Soboul, George F.Rude, Das Maximum der Arbeitslohne in Paris und der 9 Thermidor. Jakobiner und Sansculotten. Hrsg. von. W. Markov. Berlin, 1956, S.S.167-183.
- 247 Ording, op.cit., p.p.112-116, 119.
- 248 Неудовлетворенность народных масс социальной политикой революционного правительства выразилась и в пассивности секций 9 термидора. Об этом см. Н.Кареев. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. Петроград, 1914, стр.25-75; A.Ording, op.cit., p.p.112, 187; A.Mathiez. La campagne contre le gouvernement revolutionnaire a la veille du 9 thermidor (Annales historiques de la Revolution francaise, 1927, № 22-24, p.307-309; К.П.Добролюбский, Термидор. Очерки классово-борьбы во Франции в 1794-1795 гг. Одесса, 1949.
- 249 См. В.И.Ленин. Соч., т.29, стр.182-183.
- 250 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.2, стр.134.
- 251 Discours et rapports de Robespierre, p.364.

252 *J. Tiersot*, Les fetes et les chantes de la Revolution, P., 1908.

253 В своей работе о культе Верховного Существа Матьез подчеркивает, что Робеспьер придавал этому культу большое моральное назначение (*A. Mathiez*, Robespierre, et le culte de l'Être Supreme (Annales revolutionnaires, 1910, p.p.221, 225, 234). а также *A. Mathiez*, La politique de Robespierre et le 9 thermidor (Annales revolutionnaires, 1910. p.502).

254 *R. Garaudy*. Les sources francaises du socialisme scientifique., Paris, 1948, p.59.

255 *A. Mathiez*. Robespierre et le culte de l'Être Supreme (Annales revolutionnaires, 1910, p.223).

256 Ординг приводит многочисленные факты недовольства разных общественных слоев религиозной политикой якобинского правительства (*A. Ordning*, op.cit., p.p.68-74).

267 *A. Aulard*. La Societe des Jacobins, t.VI, p.213.

268 *Saint-Just*, Oeuvres completes, t.I, p.485.

259 Ibidem, p.508.

260 Ibidem.

261 Ibidem.

262 Ibidem, p.484.

263 Discours et rapports de Robespierre, p.p.413-414.

264 *Saint-Just*. Oeuvres completes, t.II, p.494.

265 *A. Mathiez*, Autour de Robespierre, Robespierre a la Commune de 9 thermidor P., 1926, p.230.

266 *Levasseur de la Sarthe*. Memoires, t.I. P., 1831. p.22.

267 *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т.XIV, стр.357-358.